

ОЛЕСЬ БЕРДНИК

ПУТИ ТИТАНОВ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

*Сокращенный авторизованный перевод с украинского
В. Доронина и А. Семенова*

МОЕМУ УЧИТЕЛЮ ПОСВЯЩАЮ

Автор

„...будущее ... мир покоренного вещества и энергии, подвластный воле почти бессмертного человека...“

Максим Горький

ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО

Аппараты связи Земного шара предупреждали, повторяли:

— Сегодня дискуссия о великом переломе! Слушайте все! Люди, слушайте все!

Учителя прекращали занятия в аудиториях, включали установки дальновидения. Ученые оставляли лаборатории, спеша к экранам всемирной связи. Гуляющие, отдыхающие, путешествующие во всех уголках солнечной системы настраивали прием-

ники на волну Совета Великого Союза Миров.

Контрольные роботы-диспетчеры проводили последнюю проверку:

— Луна! Готовы ли вы к дискуссии?

— Да, — отвечали лунные станции.

— Меркурий?

— Готовы.

— Венера?

— Мы ожидаем.

— Марс?

— Да.

Станции на Плутоне усилили в миллиарды раз энергию сигнала и направили ее к далеким мирам, превратив в лучеподобные сгустки уплотненного времени.

Между тем во Дворце Совета Великого Союза Миров уже собирались ученые Земли — виднейшие теоретики и практики знания. Они молча, в торжественной тишине, занимали места в исполинском амфитеатре, вокруг овального возвышения.

Под куполом дворца заструились голубые грозовые волны. Они становились все гуще, насыщеннее. В воздухе запахло свежестью. Это начал действовать аппарат, стимулирующий внимание и мышление.

Вспыхнули призрачным светом стены дворца, растаяли, исчезли. Вместо них появились изображения залов заседаний далеких миров. Пространство дворца как бы расширилось в сотни раз, наполнилось десятками тысяч жителей обитаемых планет.

Послышался бесстрастный голос робота-диспетчера:

— Все жители Великого Союза Миров на одной волне. Дискуссия о великом переломе начинается!

На возвышении появился человек. Тысячи ученых Земли и других планет поднятием рук приветствовали Рама, очередного председателя совета. Глаза его сияли молодостью и энергией, хотя ему недавно исполнилось триста лет. Легкая ткань голубоватой одежды Рама подчеркивала гармоничные формы его тела.

Рам молчал, как бы собираясь с мыслями, как бы созерцая далекие миры, представители которых смотрели на него с экранов межзвездного видения. Ощутил громадную ответственность за каждое слово, за каждую мысль, которые готовился произнести здесь. Шагнув навстречу миллиардам глаз, произнес уверенно и взволнованно:

— Братья!

Мощные волны уплотненного времени

несли его голос в бесконечные дали, превращаясь в многочисленных аппаратах связи в символы, понятные жителям далеких миров.

— Братья! Борьба, революции — основа прогресса. Это аксиома. Разумный человек понял этот закон. Природа осуществляет революционные преобразования ощупью, зигзагами. Но человек обязан искать кратчайший путь. Когда наступает кризис, необходимо новое направление. Мы накануне такой революции. В чем ее суть?

Опасность в нас самих, в несовершенстве нашей природы. Органы мышления, эволюционировавшие на протяжении миллионов лет, безнадежно отстают от стремительного потока знания. Они не в состоянии соперничать с молниеносной реакцией логических машин. Мы достигли долголетия в пределах тысячи лет, но и этого недостаточно, чтобы охватить и осознать необъятную сумму даже небольшой части сведений, не говоря уж о мудрости предыдущих поколений. Знание разделилось на многочисленные ручьи, но здравый смысл и логика зовут нас к упрощению, к универсальности, к поискам единства.

Настает час великого перелома. Мы собрались, чтобы приблизить его. Вам будет предложен проект нового пути. О нем расскажет Семоний, руководитель Главного Электронного Центра Земли. Братья! Мы призываем — слушайте и советуйте.

Рам сошел вниз, сел в первом ряду амфитеатра. На возвышение стремительно поднялся худощавый узколицый ученый, одетый, как и председатель, в голубую одежду. В пространстве зазвучал низкий, напряженный голос:

— Братья! Проблема, о которой говорил здесь Рам, ясна безусловно всем. Разумный мир стоит перед большой опасностью. Я не знаю, стоит ли напоминать о фактах, которых достаточно в любом мире. Забота о будущем велит нам идти по пути освобождения мыслящих существ от интеллектуальной нагрузки, ставшей невыносимой.

Да, я глубоко убежден, что надо передать функции научно-технического мышления электронно-гравитационным аппаратам. Они — порождение нашего разума, они — наши слуги и друзья. Мы сконструировали мощный автоматический центр, управляющий сейчас научно-технической сетью планеты. Кроме задач координации, мы пре-

доставим ему функции творческого мышления. Он будет анализировать — и совершенно безошибочно — все научные сведения, поступающие к нему извне, и именно в духе тех законов, по которым идет развитие человечества.

Перед нами встают удивительные перспективы: знание будет развиваться несравненно быстрее — ведь электронно-гравитационные аппараты обладают гораздо большими возможностями, чем люди. Если спросят, какова же роль человека в этой новой эпохе, я отвечу с гордостью: человек останется властелином, но более могучим!

Мы не будем копошиться в лабиринтах анализа, а уверенно пойдем к сияющему солнцу синтеза. Говоря образно, человеку не нужно будет забираться на дерево, чтобы сорвать плод. Это за него сделают мыслящие аппараты. Нам же предстоит лишь одно — пользоваться плодами знания, наслаждаясь их замечательным вкусом.

Итак, я предлагаю на рассмотрение наших миров выдвинутый группой ученых Земли проект. Мы будем, вероятно, говорить не о технической стороне дела — его осуществимость не подлежит сомнению. Людей прежде всего интересуют этические, моральные и научные стороны грядущей перестройки.

Братья! Высказывайтесь и советуйте. Мы, сторонники проекта, ждем вашего суждения...

Над сектором Сириуса зажегся зеленый сигнал. Взоры присутствующих обратились к экрану межзвездного видения. Из рядов ученых планеты Ай-Сса-Мра поднялась огромная фигура Бразж-Си, известного космонавта в системе Сириуса. Серебристые холодящие одежды свободно ниспадали книзу, оставляя открытым только круглое фиолетовое лицо с широким лбом и карими глазами. Черные уста шевельнулись. В зале послышался голос переводной машины:

— Замечательный проект! Величайший скачок знания! Революция в методах познания мира назрела. Она необходима! Великий Союз Миров объединяет много планет, дружно идущих по пути развития знания. Но в беспредельном пространстве есть миры, цивилизация которых еще молода и неопытна. Рост нашего технического потенциала позволит во многом помочь этим отстающим планетам. Повторяю — это величайший план, братья!..

После Бразж-Си выступили представители системы Центавра — человекоподобные существа с хрупкой, гармоничной структурой. Они горячо поддержали Семония. Такое же мнение пришло и с далекой планеты возле инфразвезды Кома. Жители этой системы надеялись с помощью ускоренного развития разума возродить свой угасающий мир. И только мыслящие существа Сатурна прислали предупреждение. Древнейший ученый этой планеты с непередаваемым на земном языке именем заявил:

— Наше развитие отличается от вашего. Нам трудно понять ваши цели. Но я помню тревожные отголоски подобных событий, происшедших в иных мирах. Не спешите, братья. Подождите, подумайте. Мы постараемся найти в архивах знания все сведения о подобных проектах.

Семоний, выслушав перевод сообщения с Сатурна, улыбнулся и спросил:

— Неужели цивилизации наших миров недостаточно развиты для того, чтобы решать научные проблемы с помощью разума, а не древних преданий?

Ответ с Сатурна был краток и спокоен:

— Настоящее — только звено в цепи бесконечности. Звенья прошлого и будущего равноценны. Мы советуем братьям Земли: подумайте!

Но вот амфитеатр заволновался. Взметнулся лес рук, приветствуя следующего оратора. Между рядами кресел шел ученый, одетый в черную строгую одежду. Поднявшись на возвышение, он остановился возле Семония.

Это был Аэровел, старейший ученый системы Солнца. Недавно друзья отмечали его шестисотлетний юбилей. Он работал в Институте воскрешений, осуществляя там удивительные и еще не всем известные исследования.

Миллиарды людей Земли, жители Венеры, Марса, колонисты Меркурия, Луны и многих астероидов с восхищением смотрели на ладно скроенную фигуру Аэровела, на крупное, гладко выбритое лицо с большими синими немигающими глазами. Светлая копна волос серебристой короной венчала голову ученого. Казалось, что весь он устремлен в небо. Брови его хмурились, лоб прорезала глубокая морщина. Амфитеатр замер в ожидании чего-то необычного.

Аэровел заговорил, и голос его загредел в пространстве:

— Братья! Только что я испытал сильное потрясение. На мгновение меня охватило чувство, которое жители наших миров давно считают анахронизмом. Я пришел в ярость! И лишь огромным усилием воли мне удалось овладеть собой.

Полная тишина была ответом на это вступление. Семоний с тревогой посмотрел на старейшего ученого. Аэровел, взывая ко всем секторам, воскликнул:

— Отсутствие опасностей, огромные возможности наших цивилизаций сделали нас беспечными. Мы плохо думаем о последствиях экспериментов. Только этим я объясняю то легкомыслие — да-да, я повторяю: легкомыслие! — с которым здесь обсуждался проект Семония.

Семоний сказал: нам не надо будет лезть на дерево, чтобы сорвать плод, это сделают машины! Прекрасно. Удивительно! Человечество будет лежать под деревом и открывать рот, чтобы машины бросали в него плоды познания. Какая потрясающая мечта! Но что ожидает человека, который перестанет углубляться в пучины анализа? Об этом вы подумали? Он потеряет способность к аналитическому мышлению, клетки разума атрофируются, наш интеллект деградирует. И, наконец, электронные аппараты поднимутся выше людей. Да-да! Я повторяю, что будет так! Ты, Семоний, сам сказал, что их реакция в миллионы раз совершеннее нашей. Мы еще не знаем всех опасностей этого пути, тех неожиданностей, которые подстерегают человечество после великого перелома.

Но главное, что возмущает меня, — это стремление отождествлять чудесный человеческий интеллект с холодным разумом машины, хотя и очень высоким...

— Что же ты предлагаешь, Аэровел? — резко заметил Рам. — Ты отрицаешь опасность, о которой говорили мы?

— Нет, — возразил Аэровел, — не отрицаю. Опасность есть. Все это понимают. Но есть иные пути ее преодоления. Этот путь не вне человека, а внутри него. Институт воскрешений видит его в достижении бесконечного долголетия, то есть практически в бессмертии...

— Бессмертии? — удивленно воскликнул Семоний. — Что ж, это чудесная перспектива! Но что это изменит в положении человека? Миры переполнятся людьми с бесконечно устарелыми взглядами, рядом с архаичными предками будут жить их со-

вершенные потомки, благословенные дары эволюции обратятся в пародию!

— Ты ошибаешься, Семоний! — с достоинством сказал Аэровел. — Мы не предлагаем такого примитивного бессмертия. Да речь и не идет о бессмертии, а о периодическом восстановлении всех функций организма, о полной регенерации тканей стареющего тела. И не по старому образцу, а в соответствии с велениями эволюции, добавляя каждому индивидууму новые свойства, соответствующие требованиям эпохи. Преждевременно раскрывая результаты работ Института воскрешений, я могу сообщить...

Страстные слова Аэровела прервал тревожный аккорд. Ученый замолчал. В пространстве над амфитеатром появилось юное девичье лицо. Изображение вздрагивало, колебалось. Глаза тревожно всматривались в присутствующих, как бы отыскивая кого-то.

Рам встал, недоумевающе спросил:

— Кто ты? Почему прерываешь дискуссию?

— Я Искра, — ответила девушка. — Чрезвычайное событие требует решения совета.

— Что случилось?

— Я работаю на станции межпланетных кораблей возле Плутона. Си-локаторы только что засекли приближение космического тела. Это звездолет древней конструкции. Скорость субсветовая. Принцип движения обычный.

— Он тормозит? — взволнованно спросил Рам.

— Нет. Через несколько часов корабль войдет в систему.

— Вы пытались с ним связаться?

— Не отвечает. Мы испробовали все диапазоны гравито- и радиосвязи. Быть может, там нет живых существ. Для размышления времени нет. Выход один: использовать для торможения пространственные заслоны Системы.

— Хорошо, — подумав, ответил Рам. — Остановите его. Затем отбуксируйте на внеземную станцию. Члены совета осмотрят звездолет.

Изображение Искры исчезло. Над амфитеатром плыл возбужденный шум. Рам взмог на возвышение, поднял руку:

— Мы прервем дискуссию. Быть может, сейчас в Космосе решается судьба неведомых мыслящих существ...

Люди системы Солнца затаив дыхание следили за удивительным космическим событием. Странный корабль неизвестного происхождения устремился из глубин пространства в планетную семью Солнца. Скорость его была такова, что корабль уподоблялся лучу. Точнейшие аппараты, расшифровав показания си-локаторов, определили, что воздушный корабль не замедляет полета. Значит, он проскочит Систему и снова удалится в беспредельность. Это свидетельствовало о том, что на борту не было живых существ или корабль лишился управления.

Искра, молодой инженер внешнего пояса космических станций, получив разрешение совета, начала приводить в действие свой полный риска план. Она связалась с хранилищами внепланетной энергии на Плутоне, Титане и на многих астероидах, передала им волю совета. Стартовав со станции на громадном спутнике-корабле, она вывела его в район предполагаемой встречи с звездолетом. По условному сигналу могучие потоки гравии энергии начали концентрироваться вокруг спутника-корабля. Квантовые преобразователи превратили эту энергию в волны уплотненного пространства, которые устремились навстречу неизвестному звездолету. Вокруг него было создано непроницаемое поле — своеобразный пространственный коридор. Тяготение Системы теперь не влияло на межзвездного скитальца. Пространство существовало для него лишь в узком коридоре, который неотвратно вел к спутнику-кораблю.

Люди Солнца и жители Сатурна волновались: хватит ли энергии? Удастся ли остановить в пределах миллиарда километров звездолет, летящий с субсветовой скоростью?

Искра включила добавочные преобразователи. Теперь энергия уплотненного пространства излучалась по центру канала, навстречу чужому кораблю. Плотность излучения постепенно нарастала. Рядом с девушкой вспыхивали экраны связи, далекий голос подруги, дежурившей на станции наблюдения, тревожно сообщал:

— Скорость уменьшается. Двести пятьдесят тысяч километров... Двести сорок семь... Двести сорок семь... Искорка! Надо усилить излучение...

— Все исчерпано, — беспомощно ответила девушка. — Включи счетно-решающий

автомат и определи, когда произойдет встреча.

Несколько мгновений тягостного ожидания, затем растерянный голос подруги:

— Столкновение неизбежно. Сейчас же уходи с пути!

— Нет, — с вызовом воскликнула Искра. — Мы обязаны остановить его!..

И, как бы поощряя ее уверенность и мужество, в эфире раздался мощный голос Рама:

— Верно! Ты, девушка, права! Хранилища внепланетной энергии! Слушайте приказ совета: включите все резервные источники, предоставьте их в распоряжение Искры...

Люди Системы облегченно вздохнули. Радостно зазвучал голос подруги:

— Искорка! Замечательно! Скорость резко падает. Двести тысяч километров... Сто восемьдесят... Сто сорок... Сто...

Медленно текли минуты напряженной борьбы. Наконец человек преодолел огромную силу инерции. Чужой звездолет сблизился с кораблем-спутником. Они повисли рядом в бездне пространства.

Искра закрыла глаза, провела дрожащей рукой по лицу. Невероятно! Неужели удалось?

Снова открыла глаза, посмотрела в иллюминатор станции. Тихонько засмеялась. Да, она совершила это чудо. Вот он, странный бродяга Вселенной. Кто в нем? Откуда он? Что скажет человечеству Солнца его экипаж?

Девушка снова уверенно села за пульт, включила систему программирования. Через несколько минут в центральной части станции-спутника открылся гигантский шлюз. В него медленно вплыл чужой звездолет. Шлюз закрылся.

После этого спутник-корабль двинулся к далекой Земле, держа курс на главную внеземную станцию планеты...

Рам, Аэровел, Семоний и несколько видных ученых Земли прямо из Дворца Совета вылетели на внеземной космодром. Их гравилет встречали инженеры станции. Между ними стояла Искра. Рам сразу узнал девушку, крепко пожал руку и, любясь ею, сердечно сказал:

— Такая маленькая... и такая смелая!

Ученые одобрительно улыбались. Девушка в самом деле была миниатюрной, с рыжей мальчишеской прической, блестящими серыми глазами и тонкими музы-

кальными пальцами. Как-то не верилось, что она только что совершила подвиг.

— Что ж, ведите, показывайте вашего пленника, — усмехнулся Рам.

Инженеры вместе с прибывшими направились к центру полусферической станции-космодрома. Звездолет уже стоял на внутренней площадке приемника. Он был цилиндрической формы, суженный сверху. Вокруг цилиндра вилась мощная спираль. Весь корабль был ржаво-грязного цвета — очевидно, он прошел неизмеримые пространства.

— А теперь пробовали связаться? — спросил Рам.

— Пробовали, — ответила Искра. — Ответа, как и прежде, нет. При просвечивании гравилучом люди не обнаружены...

— Уверяю, в основе этой конструкции — принцип гравитации, — сказал Аэровел. — Только более примитивной культуры, чем наша.

— Да, похоже, — согласился Рам. — На Земле тоже когда-то были такие корабли. Наши предки устремлялись на них в бесконечность...

— Как и их предки на челноках в океаны, — подхватил Аэровел. — Но откуда этот звездолет?

— Скоро это узнаем. Вы только действуйте крайне осторожно. Живые существа могут находиться в состоянии анабиоза.

Инженеры космодрома включили роботы. Звездолет окружили разнообразные механизмы. Ажурные вышки подняли к середине стометрового корабля гравиизлучатели. Несколько минут они изучали обшивку. Затем вибронож вырезал большое отверстие в корпусе звездолета.

Площадка подъемника с тремя учеными и девушкой остановилась у отверстия. Они вошли в темный коридор. Рам включил серебряный фонарик. Яркий луч осветил серебристые стены, глазки приборов. Коридор вился вокруг гигантской центральной трубы, где, вероятно, были расположены энергетические установки. Ученые двинулись вверх. Вокруг мерцали слабые огоньки, освещающие узкие двери, ниши, иллюминаторы. Полную тишину нарушали лишь шаги.

Они прошли несколько витков этой спирали и наткнулись на стену, которая преградила им путь. Впрочем, это была не стена, а прозрачная дверь. Рам поднял фо-

нарик, и взору людей представилась странная картина.

За дверью находилась каюта, откуда, очевидно, осуществлялось управление. На стенках мерцали матовые экраны, темнели панели с рядами приборов. Перед основным пультом — два глубоких кресла. В одном виднелась человеческая фигура. Космонавт был неподвижен, голова его лежала на пульте.

В свете луча фонарика тень человека заколебалась. Искре показалось, что космонавт шевельнулся. Она тревожно вздохнула.

— Космонавт — человек Земли, — прошептал Аэровел. — Я уверен в этом. Но почему мы ничего не знаем об этой экспедиции? Когда она вылетела?

— А может быть, он лишь похож на нас? — возразил Рам. — Разве во Вселенной не могут быть цивилизации с похожими на нас живыми существами?

Взглянув на Искру, он взволнованно добавил:

— Во всяком случае, это замечательно. Мы узнаем нечто удивительное, это несомненно. Семоний!

— Я слушаю, Рам.

— Прошу тебя сделать все как можно скорее. Вызови лучших специалистов. Надо изучить конструкцию корабля, разыскать и расшифровать все записи — оптические, магнитные и прочие. Все это подготовить к следующему заседанию совета.

— Хорошо! — ответил Семоний.

— А космонавта, — сказал Аэровел, — пока не трогайте. Я вызову ученых из Института воскрешений. Труп надо извлечь из каюты с максимальной осторожностью, поместить в инертный газ и немедленно отправить на Землю...

С трудом оторвавшись от странного зрелища, ученые отошли от двери и двинулись назад. И только Искра все еще стояла неподвижно, еле сдерживая волнение. Она как бы предчувствовала, что в ее жизнь входит нечто значительное и таинственное...

Даже Рам, всегда спокойный, уравновешенный, волновался. Его рука, лежавшая на пульте управления, вздрагивала от нетерпения. Члены совета молча ждали. Рам сказал:

— Братья! Вы все знаете о прилете корабля из глубин Вселенной. В страшные и таинственные дали пространства люди летят за огнем знания, за истиной. Не всегда

жертвы приносят плоды. Тем более мы должны быть внимательны к каждой вести из далеких миров. Капли соединяются в ручейки, ручейки — в реки, а реки наполняют океан бесконечности.

Братя, в корабле оказался мертвый космонавт. Исследование установило, что он житель Земли, наш предок! Вы удивлены? Да, мы ничего не знали об этой экспедиции. Только вчера сотрудник Архивного Мирового Фонда Светозар обнаружил материалы, свидетельствующие о древней экспедиции к другой Галактике...

В аудитории раздались возгласы удивления. Рам поднял руку, призывая к спокойствию.

— Сейчас вы услышите его голос.

Рам нажал кнопку на панели. Что-то зашипело, затем зазвучал спокойный человеческий голос. Он говорил на непонятном языке. Только отдельные слова напоминали современные.

— А теперь прослушайте перевод.

Вспыхнули глазки переводной машины. Ученые услышали:

— Двадцать первое столетие. Две тысячи пятьдесят восьмой год. Галактические координаты на киноплёнке...

В зале зашумели. Послышались возгласы ученых:

— Десять тысяч лет назад?

— Невероятно!

— Братя! — разъяснил Рам. — Мы проверили координаты. Экспедиция вылетела с нашей Земли десять тысяч лет назад.

Плоское изображение старинной киноплёнки, трансформируясь в особых приборах, воспроизводило картину Галактики, являвшейся не рисованной схемой, а ее фотографией.

Гигантская звездная система приблизилась, медленно вращаясь вокруг центрального сгущения. Она с каждой минутой вырастала, распадаясь на звездные рои и отдельные небольшие системы. Между двумя витками спирали ярко засияла желтая звезда.

Она приближалась, превращаясь в диск. Вокруг нее закружились шары девяти планет. Третья от центрального светила, увеличиваясь, начала вращаться. Возникли очертания материков, океанов. Из-за планеты выполз бледно-желтый диск спутника. Затем изображение исчезло. Плёнка кончилась.

— Вы убедились? — произнес Рам. — Мы встретили человека далекого прошлого, который давно умер, но он оставил после себя массу ценнейших научных материалов и записанный различными способами удивительный рассказ о том, что произошло с экспедицией. Этот рассказ адресован нам, его потомкам. Тысячелетия ждал он, чтобы мы услышали его. Я предлагаю приступить к просмотру материалов о героическом подвиге древних космонавтов.

Снова послышалось тихое жужжание. Председатель Совета Великого Союза Миров Рам включил демонстрационные автоматы. И перед учеными одна за другой вставали волнующие, драматические картины из жизни далеких предков...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕВЕДОМОЕ

Страшный проект

Академик Горин, председатель Объединенного Космоцентра Земли, нажал кнопку телевидеофона.

На экране появилось лицо секретаря. Она понимающе улыбнулась, едва заметно кивнула:

— Пришли.

— Все?

— Все.

— Просите.

Несколько минут ожидания — и дверь кабинета открылась. Дружной гурьбой ввалились космонавты. Они весело здоровались с ученым, который некогда обучал их искусству вождения сложных межзвездных кораблей. Академик жестом предложил всем сесть. Вышел из-за стола, остановился перед астронавтами. Молчал. Смотрел в молодые, мужественные лица, печально хмурился.

Космонавты недоуменно переглядывались, незаметно пожимали плечами. Но, понимая, что старик вызвал их неспроста, терпеливо ждали.

А он всматривался в своих питомцев, перебирая в памяти их жизнь, их нелегкую, но славную судьбу и как бы взвешивая в душе ценность каждого из них.

Георгий Гора. Командир нескольких экспедиций к планетам внешнего пояса. Участник экспедиции к звезде Альфа Центавра. Это был трудный полет. При подходе к системе Центавра на участке торможения крупный метеорит вывел из строя двигатели звездолета. Погибло больше половины членов экипажа, в том числе командир Евгений Дикой. Георгий взял на себя управление кораблем, посадил его на крайнюю планету системы Центавра. Полгода жил он с оставшимися товарищами в холоде и мраке чуждого мира, ликвидируя последствия аварии.

Георгий Гора — настоящий космонавт, всей душой стремящийся к звездам. Даже внешность его — непокорная копна золотистых вьющихся волос, прозрачно-голубые, устремленные вдаль глаза, волевые черты лица — говорит о призвании. Этот подойдет! Одинокий. Сирота. Отец и мать погибли на Луне, исследуя действующие вулканы. Он, конечно, принадлежит всей Земле...

Второй, рядом с Георгием, — Джон-Эй. Суровое, худое лицо. Сжатые губы. Пристальный, внимательный взгляд. Гладко причесанные пепельные волосы, неторопливые движения, немногословен — все говорит об огромной внутренней собранности, выработанной сложной, фантастической жизнью.

Джон-Эй, один из лучших космоштурманов, блестяще знает свое дело. На его счету пять полетов. Два из них — к Плутону. Один — к инфразвезде, соседке Солнца. Этот безусловно годится. Жены, детей нет. Из родителей только старушка мать.

Орамил и Тавриндил. Два друга, астрономы из Афин. Согласятся ли они, неизвестно. Но кандидатуры превосходные. На их счету величайшие открытия. С помощью лунных телескопов они открыли планетные системы в районе нескольких звезд и нашли галактики с субсветовыми скоростями удаления. У обоих нет семьи. Много лет прожили на Луне, изучая Космос. Что ж, должно получиться...

Астробиолог Вану Горгадзе. Он нетерпеливо встряхивает курчавой головой, умоляюще смотрит на академика. Горин улыбаясь, разглядывая его мощную фигуру, красивое, резко очерченное лицо. Этот пойдет хоть на край света. Отважен, умен, ученый с огромным размахом.

Антоний и Вильгельм — братья-близнецы. Рыжеволосые, веселые крепыши. Они, еще будучи юношами, устремились в небо, поступив в училище космонавтов. Оба стали превосходными инженерами. Они все время в полетах, все время стремятся к другим планетам. Вряд ли что-либо помешает им принять решение...

И, наконец, штурман Борислав Огневой и энергетик Бао Ли. Эти совсем молодые, но уже отмечены руководителями Космцентра как выдающиеся специалисты. Несемейные. Отважные... Подойдут...

Академик Горин отошел к столу, тяжело вздохнул. Тихо сказал:

— Вы, конечно, удивлены неожиданным вызовом? Не отрицайте, я вижу... Буду краток. Сейчас все объясню...

Он снова замолчал, опустив глаза, и все увидели, какое у него изможденное, усталое лицо, как тяжело ему говорить. Но вот он решился:

— Друзья мои, есть решение Высшего Совета Науки Земли — организовать внегалактическую экспедицию...

Космонавты замерли.

— Вы знаете, что для сверхдалних полетов уже построен звездолет, — продолжал Горин. — Этот звездолет — лучшее, что создала донныне наука Земли.

— «Разум», — прошептал Георгий.

— Да, — подтвердил академик, — это «Разум». Мы направляем его к ближайшей Галактике — Большому Магелланову Облаку. Я не буду вам говорить, зачем нужна эта экспедиция. Вы отлично понимаете ее значение. Не для нас, конечно. Для грядущего. Итак, необходим экипаж. Нужны смелые люди, понимающие все без лишних слов. Выбор пал на вас. Не отвечайте мне сейчас, не спешите. Я вижу, многие уже согласны. Погодите немного. Я сказал не все. Вы идете не только на риск. Это вам привычно. Вы уходите из настоящего в далекое будущее...

— Мы знаем это! — воскликнул Вану.

— Не спешите, — грустно продолжал академик. — Я сожалею, что не могу лететь с вами. Стар уже. А возврата не дождусь. «Разум» — удивительный аппарат. В полете он почти вне времени и пространства. Но при торможении и разгоне вступает в силу обычная относительность времени. Поэтому вы вернетесь на Землю только через тысячелетия.

— Если вернемся, — добавил Джон-Эй.

— Вы обязаны вернуться! — резко возразил Горин.

Все замолчали. Глубокая тишина воцарилась в кабинете. Затем Георгий спросил:

— Но, учитель... я не слышу главного...

— Антивещество? — улыбнулся академик.

— Да.

— Верно. Это главное. Вы все знаете, что звездолет «Разум» не может лететь раньше, чем будет накоплено необходимое количество антивещества. Установки Земли могут это сделать только за десять — двенадцать лет...

— Тогда мы не понимаем, — вырвалось у Ваню.

— Спокойно! Я подхожу к главному. Центр вызвал вас потому, что произошла трагедия. Да, страшная трагедия. О ней еще не объявлено. Вы все знаете командира звездолета «Огонь»?

— Димитр! — воскликнул Георгий. — Он вылетел к Чужой...

— Да. «Огонь» вылетел к звезде Чужой. Мы хотели узнать подробно о небесном теле, вторгшемся в Галактику. Эта звезда, конечно, чужая, ее собственная скорость слишком велика. И вот... несколько дней назад наши станции на Луне... приняли последнее сообщение Димитра... Они погибли...

— Почему?

— Чужая оказалась антивездой. Вы понимаете, что это значит. У нее есть планета... антипланета. Но Димитр не знал этого. Он вел звездолет к планете. Попал в пылевое облако антиметеоритов. И все... Началась аннигиляция. Он не успел вернуть звездолет в пространство. Взрывами разворотило всю кормовую часть. Они успели послать предупреждение Земле... И прощальные слова...

Горин пристально посмотрел на своих питомцев, как бы испытывая. Георгий серьезно сказал:

— Я понял вас, учитель. Это страшный проект...

— Да. Это страшный проект. Но он под силу вам. Дерзновению человека нет предела. Итак, вы летите к Чужой, опускаетесь на антипланету. «Разум» оборудован специальной защитой для пребывания в антимире. Там добываете необходимое количество антивещества и стартуете к Магелланову Облаку...

— Просто и ясно, — засмеялся Ваню. — Паф — и полетели!

Космонавты захохотали. Но, увидев грустное лицо Горина, притихли. Он дружелюбно кивнул, улыбнулся.

— Так и должно быть, друзья. Позади — смерть... Впереди — победа. Только так. Гибель товарищей открыла перед человечеством новые горизонты. Итак...

— Я согласен, — сорвался с места Ваню, выпрямляясь во весь свой гигантский рост.

— Мы летим, — встали рядом с Ваню Вильгельм и Антоний.

— Я готов, — сказал Бао Ли.

— Да, — решительно произнес Борислав.

Орамил и Тавриндил переглянулись и, улынувшись Горину, присоединились к товарищам.

Так же молча, спокойно поднялся с кресла Джон-Эй.

Только Георгий на мгновение задержался. Никто этого даже не заметил.

Желает ли он лететь? Да. Он полетит. Но Марианна? Друг, товарищ, невеста. Самый близкий человек на Земле. Он ее никогда уже не увидит. Никогда! А может быть, взять с собою? Нет! Нет! Это малодушье. Это эгоизм. Итак, решено. Она все поймет...

Георгий шагнул навстречу Горину, стал рядом с Джон-Эем.

Так и не сказал

Месяц отдыха, а затем подготовка. Так сказал Горин. За этот месяц надо было завершить на Земле все дела.

Георгий решил повидаться с Марианной и при удобном случае поговорить с нею. Он вылетел в Киев.

Воздушный лимузин высадил его на Левобережье, в гидропарке. Простившись с пилотом, Георгий сел в открытый вагончик воздушной дороги, доставивший его в речной порт.

Был тихий майский день. Буйные соцветия каштанов осыпались на головы прохожим, над Владимирской горкой плыла нежная мелодия знакомой песни. Георгий радостно вдохнул пряный воздух родного города и сразу как бы вернулся к дням детства и юности. Только в глубине души все время таилась тревога. Предстоит самое

грудное и самое радостное: встреча с Марианной и... объяснение с нею.

Георгий медленно пошел вверх, к Крешатику, не желая пользоваться ни транспортом, ни движущимися тротуарами. Хотелось полюбоваться красотой Киева, подготовиться к встрече.

Он гулял около часа и даже не заметил, как пришел к Институту энергетики, где работала Марианна. На лестнице показалась группа сотрудников. Очевидно, заканчивалась работа. И вот... он увидел высокую, стройную девушку с короной темных волос. Она остановилась возле колонны, небрежно поправила локон на виске.

Марианна! Единственная...

Сердце Георгия забилося частыми, сильными ударами. При взгляде на девушку он еще глубже понял, как невыразимо горячо любит ее, как тяжело и просто невозможно забыть ее, оторвать от сердца и уйти в черную бездну Космоса без надежды встретиться вновь.

Взгляд девушки остановился на Георгии. Удивление, радость, любовь, а затем укор отразились в ее огромных черных глазах. Она задышалась, она не могла слова вымолвить.

Георгий побледнел. Протянул руки и ждал. Марианна подбежала к нему и, не обращая внимания на улыбающихся подруг, обняла.

Они поехали вниз по Днепру. Остановились на маленьком островке. Здесь было решено провести месяц отдыха. Марианна была весела, как ребенок. Георгий ничего не сказал ей о предстоящей разлуке. Он не хотел омрачать дни радостного отдыха.

Как это случится? Как он скажет? Лучше не думать. Забыть обо всем, смотреть в темные, как пространство, глаза любимой, целовать пухлые дрожащие губы.

Георгий построил шалаш возле воды, под длинными свисающими ветвями плакучей ивы. На сучьях можно было вешать одежду, припасы. Вспомнив детство, Георгий ловил рыбу под корягами, а Марианна варила в старом, бог весть откуда добытом казанке на песчаной косе вкусную, пропахшую дымком уху.

Изредка они включали радио или телевизор, слушали новости о полетах между планетами, о гигантских стройках в Африке, Америке, об удивительных достижениях биологии и ядерной техники. Вечерами они настраивались на музыкальные

передачи, а сами отплывали на челноке в густые заросли лозы и, остановившись среди белых цветов водяных лилий, зачарованно слушали, как плывет нежная мелодия над сонной водой и замирает где-то в левобережных лесах.

Марианна была счастлива. Но иногда она улавливала в глазах Георгия что-то тревожное и упавшим голосом спрашивала:

— Ты не хочешь говорить. Я вижу... Я чувствую... Ты снова улетаешь? Правда? Почему ты не скажешь?

— Не надо об этом, Марианна. Не надо, любимая. Я космонавт. И не могу быть другим.

— Даже ради меня, — печально улыбалась девушка.

— Даже ради тебя. Но мы с тобой всегда будем вместе. Где бы я ни был. Что бы ни случилось...

— Даже если... смерть? — затаив дыхание спрашивала Марианна.

— Да. Даже тогда. Я много думал над этим. Очень много. И я понял, почему люди так уверенно идут на смерть, если это необходимо человечеству. Они осознают свое бессмертие...

— Бессмертие?

— Да. Бессмертие человечества. Ведь все мы — только клетки необъятного организма человечества. Смотри, как все просто и величественно. Неужели это тебе в голову не приходило?

Георгий чертил палочкой на песке и увлеченно говорил:

— Развитие человечества можно сравнить с развитием организмов на Земле. Сначала одноклеточные, затем колонии клеток, первые сложные организмы, рыбы, земноводные, ящеры, млекопитающие, человек. Так и здесь. Сначала человек — наш далекий предок — одинок, несчастен. Он боится всего, все ему враждебно. Затем он соединяется с подобными себе. Это уже племя, первый многоклеточный организм. Интересы индивидуума уже подчиняются интересам всего объединения. Затем народы, нации и, наконец, вся Земля. Мы дошли до этого. Сейчас наша планета — единый могучий, прекрасный организм. И каждый человек живет и трудится, творит и дерзает ради этого организма — человечества. Да, умирают отдельные клетки-люди, умирают так же, как клетки в нашем теле, но ведь мы остаемся, несмотря на непрерывное отмирание клеток, и точно так же

остаётся человечество, несмотря на беспре-
рывную смерть его членов. И не только
остаётся, но и развивается, становится пре-
краснее, возвышеннее. Пройдут тысячеле-
тия. Земля объединится с иными плане-
тами, мирами. Вся Галактика станет еди-
ным организмом, затем — Метagalактика...
и вся беспредельность. Ты понимаешь, Ма-
рианна? От Альфы — к Омеге! От первой
капельки жизни — к бесконечности! Вот
наш путь — путь разума. Нет, о какой же
смерти можно говорить!..

Марианна слушала восторженные слова
Георгия, улыбалась сквозь слезы, склонив-
шись к его плечу, и виновато шептала:

— Да, я все это понимаю. Это очень
красиво... Но мне хочется, Георгий, и не-
многожко своего... не сердись... Очень хочется
личного счастья. Хочется смотреть в твои
глаза, слушать твои слова, ходить с тобою
по одним тропинкам...

И, вздохнув, добавила:

— Мне кажется, что даже умирать
можно только... ради того, кого знаешь,
ради близких...

— Но они олицетворяют человече-
ство? — живо возразил Георгий.

— Да, — беспомощно отозвалась де-
вушка.

И каждый раз Георгий не мог сказать
ей о предстоящем. Так прошел месяц. Оста-
вив гостеприимный островок, влюбленные
погрузили припасы в челнок и поплыли уз-
ким проливом к Днепру, на трассу скорост-
ных электроплавов.

Последняя пресс-конференция

Георгий пронесся по улицам Космо-
града, пересек центральную площадь и
остановил свой лимузин около Дворца
Съездов. По широкой лестнице он поднялся
к колоннаде. И вдруг остановился.

Из-за колонны выступила высокая фи-
гура в белом летнем платье.

— Марианна!

— Да, я! — сдавленным голосом ответи-
ла девушка, судорожно комкая в руках
прозрачный шарф. — Я только вчера узнала
о том, что ты улетаешь. Навсегда! Это
правда?

— Да, — твердо ответил Георгий.

— И ты молчал. Ничего не говорил мне.
Ты равнодушно и холодно готовился к это-
му прощанию!

Георгий побледнел, синие глаза потем-
нели, но слова были сдержанными, спо-
койными:

— Неужели ты не понимаешь? Я не
мог... сказать тебе...

— Ты не мог! — с горечью промолвила
Марианна. — Ты избегал встреч. Ты не хо-
тел видеть меня. Ты никогда не любил!

— Марианна!

— Прости. Я не то хотела сказать. Но
зачем же так? Я пришла, чтобы сказать
тебе... Возьми меня с собою!

Ее большие черные глаза, оттененные
длинными темными ресницами, глядели на
него не отрываясь. Лицо было усталым,
губы вздрагивали.

Георгий не выдержал. Он отвернулся,
еле слышно произнес:

— Ты знаешь, почему я не могу взять
тебя с собою...

Марианна поправила тяжелый узел во-
лос на голове. Легкий ветер с моря пере-
бирал ее блестящие черные кудри. На рес-
ницах повисли слезы. Но в следующее
мгновение она решительно вытерла глаза.
Лицо стало замкнутым, суровым.

— Значит, не возьмешь меня?

— Нет, Марианна... не возьму...

— Вылет завтра?

— Да.

Твердыми шагами Георгий двинулся к
двери, остановился, оглянулся. В глубине
глаз девушки сверкнула искра надежды.
Он спросил:

— Ты подождешь меня? Я недолго. Мы
проведем пресс-конференцию, и...

Просиявшее было лицо девушки снова
померкло. Она молча смотрела на далекое
море. Георгий открыл дверь, вошел в зал.

Его ждали товарищи, корреспонденты,
представители всех народов Земли. Все
знали, что Георгий Гора возглавит удиви-
тельный, невероятный полет, и на него об-
рушилась лавина нетерпеливых вопросов:

— Правда ли, что звездолет «Разум»
может пробывать пространство почти мгно-
венно?

— Да, это так. Он создает вокруг себя
мощный энергетический заслон, изолирую-
щий его от воздействия мирового тяготе-
ния. Это позволяет разгонять звездолет до
любых скоростей.

— А как же квантовый предел Эйн-
штейна?

— Он перейден, как и любой предел.
Скорость света зависит от взаимодействия

системы с полем гравитации. Если воздействие поля уменьшено или устранено, скорость неограниченно возрастает. Впрочем, многое еще неясно. Полет должен подтвердить теорию, хотя предварительные испытания и проведены.

— Значит, вы сможете вернуться на Землю очень скоро, еще при жизни нашего поколения?

— Нет.

— Почему же?

— Уже сообщалось, что при разгоне и торможении действует парадокс времени. Мы будем жить в замедленном ритме, Земля — в обычном. Мы вернемся минимум через три тысячи лет. Но я верю, что в будущем построят корабли, способные мгновенно пробивать любые пространства. А сейчас нет иного выхода...

— А разве так уж обязателен ваш полет? Можно и подождать, пока построят совершенные аппараты, — скрипучим голосом произнес пожилой корреспондент.

Это замечание вызвало гул возмущения. Георгий удовлетворенно улыбнулся.

— Ваше замечание имеет по крайней мере столетнюю давность! — шутливо воскликнул Ваню.

Присутствующие зааплодировали. Послышался новый вопрос:

— Какова энергетическая база «Разума»?

— Антивещество. Оно дает возможность полностью освобождать и использовать энергию, которая заключена в веществе.

— Но расстояния? Сто пятьдесят тысяч световых лет! Какими же должны быть запасы топлива?

— Мы добудем их на антизвезде, открытой Димитром, славным космонавтом, трагически погибшим в последней звездной экспедиции. «Разум» оборудован для путешествия в антимир. Мы верим в успех. Затем — путь к Большому Магелланову Облаку. Для всех других аппаратов, для так называемых фотонных и мезонных ракет, такие расстояния недоступны. Новый звездолет может устремиться в любую даль. Маленькое сравнение: пустите два автокара: один — по грязи, второй — по гладкой дороге. Первый израсходует массу энергии на преодоление препятствий, второй пройдет почти по инерции, не испытывая сопротивления. «Разум» — повторяю это снова — почти локализует сопротивление мировой среды,

— А метеориты? Межзвездная пыль? При такой скорости они пробыют звездолетом насквозь!

Георгий снисходительно пожал плечами:

— Вы переносите выводы классической механики на эффекты теории относительности. Метеориты «живут» в обычном времени, наш звездолет — в совершенно другом, в миллионы раз отличающемся по ритму. Понимаете? Метеорит и корабль не встретятся во времени!

Пресс-конференция продолжалась. Было задано много вопросов другим членам экспедиции. Спрашивали о целях, о планах, о самочувствии, об отношении к смерти и жизни. Спрашивали без конца, и было ясно, что люди Земли просто хотят еще немного побыть в обществе славных сынов своих и братьев, послушать их голоса, посмотреть на их родные для всех лица.

Заканчивая пресс-конференцию, Георгий сказал:

— Жаль, что вы, наши современники, не увидите результатов наших исследований. Огромная скорость звездолета, разрушая обычные представления о времени, перенесет нас в далекое будущее. Мы, если останемся в живых, встретим здесь, на Земле, незнакомых потомков, отделенных от настоящего тысячами лет. Но ведь первый и последний человек — это члены одного и того же великого человеческого рода, который бессмертен. Значит, наша обязанность — нести огненную эстафету знания сквозь мрак времени и пространства к бесконечности!..

Вылет был назначен на следующий день. Покинув друзей, Георгий поспешил к Марианне. Ее не было. Он связался по телефонону с коттеджем ее родителей. Отец и мать Марианны не откликнулись. Георгий, волнуясь, помчался туда на лимузине. Старушка, прабабушка Марианны, сказала, что девушка не приезжала.

Георгий вернулся к центральной площади, оставил там лимузин и зашел в сквер. Сев на скамью под навесом из вьющихся роз, он задумался.

Целые сутки впереди... Он, космонавт, человек, решавший сложнейшие проблемы в невероятных условиях Космоса, глядевший в глаза любой опасности, не мог приказать сердцу: молчи! Почему? Разве не

все решено? Разве разум не сказал свое последнее слово?

Где-то в глубине сознания промелькнула мысль:

«А знаешь ли ты, чьи решения истиннее — разума или сердца? То, что ты думаешь об этом, делает равноценным то и другое».

Нет, лучше не думать! Загнать мысли в закоулки мозга, втиснуть их в тюрьму долга! Где же ты, дисциплина ума, воля, выдержка? Почему отказываешься подчиняться своему хозяину?

Она ушла. Она не желает видеть его. Он и не мог ожидать ничего другого. Если бы не его эгоизм, можно было поставить себя на место Марианны. Посмотреть на все ее глазами. Как это невыносимо тяжело! Где ты, любимая? Я склонился бы перед тобою, попросил бы прощения. Но что ей до этого? Ему — стремление в беспредельность, а ей — прощание и пустота. Да, ведь она хоронит его! Как он не подумал об этом раньше! Она провожает его навсегда!

Надо идти к людям. Быть может, это даст забыть. Забыть! Только оно нужно сейчас Георгию...

Мимо проплывал открытый вертолет-автомат. Георгий остановил его, взбежал по откидной лестничке и бросился на мягкие подушки сиденья.

Запел ветер, облака из далекой синевы летели навстречу. Ажурные купола Космограда уходили вниз, в волнах моря сверкали искры солнца, падающего за багровый горизонт...

Прощание

Космодром находился в пятнадцати километрах от города. Оттуда должен стартовать звездолет «Разум». Семнадцать лет назад среди степных курганов заложили первые камни фундамента гигантского цеха. По вечерам было видно далеко в степи, как странное сооружение сияет, сверкает огнями сварки. Семнадцать лет шла напряженная работа многих тысяч ученых, инженеров, рабочих. И вот под сводами цеха вырос необычный аппарат, о котором заговорил весь мир.

Звездолет подвергли испытанию в пределах солнечной системы. А теперь «Ра-

зум» готовился к старту в безвестные дали Вселенной — в иную Галактику.

Многотысячные толпы людей осаждали ограду, теряя всякую выдержку. Всем хотелось попасть на поле космодрома, где возвышался звездолет, сверкавший в лучах солнца белыми спиралями. Но за ограду не пускали никого, даже родственников улетавших и представителей Мирового Совета Народов.

Не было пышных речей, патетических слов. Говорили переполненные радостью и печалью сердца, любящие взгляды, крепкие рукопожатия.

Недалеко от звездолета стояли девять космонавтов. Девять молодых ученых, добровольно уходящих от солнца, от цветов, от любимых, во тьму, в неведанное ради торжества знания. Георгий, поглядывая на друзей, боялся увидеть на их лицах тень страха или сомнений. Нет! Они спокойны и уверены. Была, конечно, внутренняя борьба, были колебания, было страдание, как и у него, но победило высшее — чувство долга!

Началось прощание. Мать Джон-Эя, сухонькая старушка, прижалась к своему единственному сыну, словно желая удержать его при себе навсегда. Не увидятся они больше, никогда уж не заглянет мать в суровые глаза своего Джон-Эя. И смотрит она на него так, словно провожает в могилу. Сердце материнское не хочет понять, что это прощание — ради других, далеких, тех, которые идут из небытия в ясный, построенный их предками мир.

Орамил и Тавриндил, весело шутя, прощаются с возлюбленными своими, с сестрами, друзьями. Какие замечательные парни! Они, вероятно, даже смерть встретят с улыбкой.

Вано одинок. У него нет родственников. Но и к нему тянутся сотни рук. Идя вдоль ограды, он крепко пожимает их своей громадной ручищей, целует девешек в сияющие глаза, отвечает на сердечные пожелания.

В кругу веселых друзей — Антоний и Вильгельм. Их рыжие головы мелькают в вихре объятий. Взволнованы и растроганы самые молодые космонавты — Борислав и Бао Ли. Они ничем не знамениты, им кажется незаслуженным это чествование. Ведь они делают то, что, как они уверены, сделал бы каждый юноша, любая девушка на Земле...

Георгий не видел, не слышал ничего. Глаза пытались увидеть кого-то, услышать в последний раз неповторимый голос. Хоть на один миг, на одно мгновение!

Но Марианна не пришла. Она решительно оборвала связывавшую их нить. Что ж, пусть! Может быть, так лучше. Так надо.

Георгий решительно вырвался из кольца провожающих, подошел к микрофону.

— Друзья! — загремел его голос над полем космодрома. — Вылет через час. Оставаться вблизи стартового поля опасно. Я прошу всех покинуть зону космодрома. Прощайте, друзья!

Вдали уже взлетали в воздух легкие вертолеты, по широкой автостраде плыл сплошной поток электромобилей. Толпа редела. На вышках непрерывно вращались телекамеры, передавая в эфир все, что происходило вокруг.

У основания звездолета открылся вход. Один за другим в нем исчезали космонавты. На поле остался только Георгий. Он с грустью оглянулся вокруг. Не пришла. Погасла последняя искра надежды. Ни прощального жеста рукой, ни прощального взгляда...

Он посмотрел на хронометр. Четырнадцать часов сорок пять минут. Двадцать первое августа. Две тысячи пятьдесят восьмой год. Старт через пятнадцать минут.

Георгий понуро побрел к звездолету, сутулясь, остановился у входа. Переступив возвышение, уже у самого люка, оглянулся в последний раз.

Поле было пустынным. Над холмами кружились ястребы, высматривая добычу. На горизонте парила земля, казалось, будто там волнуется море. Далеко в голубом тумане темнели строения Космограда, ветер нес оттуда аромат цветов.

Георгий глубоко вдохнул этот запах. Прощай, Земля. Прощай и ты, любимая. Ты не пришла, но прошлое со мною. Никто не отнимет у меня твой голос, твои глаза, твое дыхание.

Он ступил шаг назад и резко нажал на рычаг пуска автоматов блокировки входа. С мощным выхлопом закрылась массивная дверь. Теперь космонавты были полностью изолированы от внешнего мира.

Внутренним лифтом Георгий поднялся вверх, вошел в капитанскую каюту. За ним автоматически закрылась прозрачная дверь. За пультом в кресле рядом с коман-

дирским местом уже сидел Джон-Эй, первый помощник Георгия. Его худое лицо было невозмутимо, но в стальных глазах пламенел сдержанный огонь напряжения.

— Все на местах, — сказал он. — Амортизация включена. До старта пять минут.

Георгий молча занял свое кресло. Протянул руку к пульту. Справа вспыхнул стереоэкран. На нем появилось взволнованное лицо Горина. Он грустно улыбнулся, подбадривая, кивнул головой.

— Что же сказать вам, сыны мои? — начал он. — Растерял все слова. Да они вам и не нужны. Вы ведь все сами понимаете. Помните одно. Вы улетаете в страшную даль, но пространство нас не разъединит. Ибо это не пустота. Это живой океан. И наши мысли, наши чувства будут с вами. Помните об этом. И еще. Знамя нашей цивилизации — человек. Это знания мы тысячелетиями добывали в невероятных страданиях. Высоко держите это знамя. Вот и все, сыны мои. В путь. Наши потомки будут ждать вас. Вас... и знание, ради которого вы летите...

— Мы будем помнить ваши слова, — тихо ответил Георгий, сдерживая волнение. — Прощайте, учитель...

Экран погас. Наступила тревожная тишина. Лицо Джон-Эя окаменело, он неподвижным взглядом впился в перископ. Там, на ясно-голубом фоне неба, медленно плыло белое облачко. Казалось, оно посылает смельчакам последний прощальный привет Земли. Но вот облачко исчезло. Стрелка универсальных часов коснулась фатальной черты. По стенам каюты поплыли солнечные блики...

Руки Георгия тяжело легли на командирский пульт.

К неведомому

Тысячи телеобъективов и других средств наблюдения с далекого расстояния были направлены на космодром. Весь мир затаив дыхание взволнованно ожидал старта звездолета, на борту которого пламенело слово: «Разум». Глаза ученых, учителей, рабочих, поэтов, глаза миллионов людей следили за «Разумом». Они провожали его в беспредельный путь, как свое, возвращенное тысячелетиями дитя. Ведь в этом корабле воплощалась мечта поколений, гений бесчисленных тружеников, известных и не-

известных, страстное желание человеческого духа разорвать цепи пространства и времени. И вот человечество посылает могучий луч своей мысли в Космос, передавая эстафету знания в грядущее.

Даже наиболее упрямые скептики и те были уверены в успехе экспедиции, понимали ее огромное значение, сознавали исключительную смелость космонавтов, уходящих в другую эпоху. Невероятный план полета в антимир, этот потрясающий по своей дерзости эксперимент не удивлял никого. Чудесная конструкция звездолета предвещала успех. Его защитное поле, взаимодействуя с антивеществом в антимире, должно было заслонить корабль и людей и при спуске на антипланету в системе антизвезды Чужой...

Плыли последние секунды. Мир затаил дыхание...

Георгий и Джон-Эй переглянулись. Рука командира легла на рычажок пуска автоматов. На экране забегали пульсирующие зигзаги сигналов. Наружный свет потускнел, в перископах замелькали едва заметные тени. Тяготение уменьшалось. Это вступило в действие защитное поле.

— Старт, — прошептал Джон-Эй.

Корабль вздрогнул. Послышался приглушенный гром. Тени в перископах поползли вниз. Вокруг расстилалась серая тьма, кое-где усеянная размытыми пятнами крупных звезд. Звездолет вышел в мировое пространство. Земля, люди, жизнь — все осталось позади, в ледяной бездне. Глухая боль в сердце Георгия утихла, образ Марианны превращался в сияющее воспоминание о прекрасном свидании. Оно было, оно волновало. Но больше оно не вернется...

«Разум» по заранее рассчитанной кривой прошел мимо внешних больших планет и направился в сторону Веги, где недавно появилась Чужая. Автоматы выключили поле. Роботы-помощники молниеносно произвели проверку курса звездолета, скорректировали программу.

Георгий связался с центральной каютой и негромко сказал:

— Друзья, первое испытание. Курс — на антизвезду.

— Давай, давай! — послышался бархатный голос Ваню. — Ты, друг, не волнуйся. Мы готовы!..

Георгий улыбнулся, кивнул Джон-Эю. Штурман включил систему защитного поля. Звездолет еле ощутимо задрожал, стремительно набирая скорость. «Разум» поглощал пространство, двигаясь теперь со скоростью в несколько миллиардов километров в секунду. Впрочем, это не было механическое движение в обычном понимании. Это был совсем новый вид взаимодействия материальной системы с пространством — временем, — тайна, вырванная разумом человека из цепких рук природы.

Так прошло несколько часов по собственному времени звездолета, затем вступили в действие автоматические тормоза. Мощные струи энергии замедляли полет звездолета, для которого перегрузки не были страшны, ибо влияние инерции почти полностью гасилось защитой поля...

Космонавты волновались. Ведь сейчас наступит проверка земной науки. Их путешествие в антимир должно подтвердить теоретические расчеты человеческого разума. А кроме того, от успеха здесь зависит успех главного задания — полета в соседнюю Галактику.

Джон-Эй выключил систему защитного поля. В перископах засверкало звездное небо. Впереди, на центральном экране, переливалась разноцветными огнями огромная Чужая. Гравиметры показали, что звездолет уже вступил во взаимодействие с полем тяготения антисистемы. Роботы-помощники манипулировали с телескопическими установками. Они подали условный знак. Командир и штурман посмотрели на загоревшиеся экраны обзора. Там четко вырисовывался диск антипланеты.

— Здесь погибли товарищи, — прошептал Георгий.

— Неужели Димитр не мог повернуть обратно? — печально спросил Джон-Эй.

— Он слишком поздно обнаружил опасность.

В пространстве вспыхнули яркие звездочки. Они окружили звездолет голубоватой короной.

— Поле! — побледнев, крикнул Георгий. — Здесь микрометеориты!

По команде штурмана автоматы снова включили защитное поле. Корона огня исчезла. Георгий вытер пот со лба, слабо улыбнулся.

— Выдерживает поле!

— Но впереди встреча с целыми океанами антиматерии, — возразил Джон-Эй.

— Ничего, выдержим!

Антипланета приближалась. Она была очень похожа на родную Землю. В ее голубой атмосфере плыли белые облака. Между ними угадывались очертания материков, кое-где под лучами антисолнца сверкали воды океана.

— Странно, — задумчиво сказал Георгий. — Очень странно! Все похоже на обычную планету... и все иное. Чуждое, враждебное. Невероятно...

Автоматы отметили огромный расход энергии в центральном реакторе. Звездолет входил в атмосферу, и защитное поле отражало теперь воздействие непрерывного потока антиматерии. Лицо командира вытянулось. Напрягся каждый нерв. Отныне жизнь космонавтов была в полной зависимости от работы реактора.

Мимо промелькнули тучи. Внизу открывалась широкая панорама неведомой планеты.

— Бао Ли, Вильгельм! — приказал Георгий. — Подготовьтесь к выходу. Нельзя терять ни секунды!

— Есть! — прозвучал в динамике четкий ответ.

«Разум», замедляя падение, опускался на берег океана. Вдали расстилались заросли странных красных деревьев, за ними сверкали в зеленоватом небе белые пики гор, а внизу катились высокие мрачные волны необъятного океана.

Будто гигантский болид, сияя в лучах антизвезды, корабль Земли медленно опустился на скалистый берег и неподвижно замер в нескольких метрах от воды. Вокруг поднялись могучие вихри, вырывая с корнями высокие деревья, кроша скалы. Низкое мощное гудение прокатилось над океаном, замирая вдали.

Космонавты прибыли в антимир...

Антимир

Георгий и Джон-Эй не отводили глаз от экранов связи звездолета. Они видели, как Бао Ли и Вильгельм, облачившись в тяжелые скафандры, вошли в «черепаху», аппарат, сконструированный для пребывания в антимире, как захлопнулась дверь и невидимые потоки энергии приподняли «черепаху» над полом шлюза.

— Мы готовы, — глухо прозвучал голос Вильгельма,

— Будьте осторожны, друзья, — в последний раз предупредил Георгий.

— А что с нами случится? — весело возразил Бао Ли. — Защита великолепная. А если что — увидите грандиозный фейерверк!

— Глупая шутка! — угрюмо проворчал Джон-Эй.

— Внимание! — скомандовал Георгий.

На экранах кругового обзора появились пейзажи антипланеты. Медленно открылся люк звездолета. Из отверстия вырвалась мощная струя сжатого воздуха. Фонтан пламени с грохотом ринулся вперед, испепеляя заросли красных деревьев. Вслед за огненной тучей из люка выскользнула «черепаха». Она поплыла над берегом, выпустив впереди себя руки-клешни.

Семь пар глаз внимательно наблюдали за манипуляциями аппарата. Георгий, сдерживая волнение и тревогу, поглядывал на универсальный хронометр. Защита в «черепахе» рассчитана лишь на десять минут. За это время надо успеть сделать все.

Скорее, скорее! Почему они так медленно движутся? Или это только кажется так? Вот «черепаха» подошла вплотную к огромной глыбе. Руки-клешни обнимают ее со всех сторон излучателями, создавая защитное поле. Сейчас глыба лишится веса. Все идет прекрасно. Огромный камень поднимается вверх и падает в контейнер. Там он не будет взаимодействовать с веществом, сдерживаемый магнитным полем во взвешенном состоянии.

Руки-клешни осторожно погружают контейнер в специальное гнездо. Вдох облегчения вырвался из груди космонавтов. Победа! Товарищи уже возвращаются к звездолету...

И вдруг в корабль ворвались какие-то странные крики, шум толпы. Сердца космонавтов сжались в тревожном предчувствии. Что случилось?

— Люди! — воскликнул Джон-Эй. — Гляди!..

В самом деле, из зарослей гигантских деревьев высыпали толпы человекоподобных существ. И это не были животные, лишённые разума. Высокого роста, двуногие, обросшие золотистым пухом, они были одеты в обрывки звериных шкур. Люди, первобытные дикари антимира... Они размахивали руками, что-то крича, окружили «черепаху» широким кольцом и пали на колени, кланяясь невиданному сооружению.

— Они принимают «черепаху» за божество! — сказал упавшим голосом Джон-Эй.

— Проклятие! — простонал Георгий. — В «черепахе» сейчас кончится энергия защиты!

Время остановилось.

Где выход? Что делать? Уничтожить дикарей? Двинуть «черепаху» прямо на них? Но ведь они люди! Разумные существа! Да. Это антимир. Все здесь чуждо, враждебно. Соприкосновение — смерть! Но эти дикари — носители разума! И рука Вильгельма, сидевшего за рулем «черепахи», не поднялась на людей. Минута растерянности, колебания...

Стрелка хронометра, вздрогнув, коснулась последнего деления. В эфире послышался предсмертный крик Вильгельма:

— Прощайте, друзья!

В то же мгновение яркие голубые лучи ослепили космонавтов. Гигантские столбы огня вздыбились на том месте, где только что стояла «черепаха». Невероятной силы взрыв смел с берега все — камни, аппарат, дикарей, уничтожил заросли деревьев на много километров вокруг. «Разум» сорвало с места, раскаленный вихрь швырнул его в пространство. По пологой кривой звездолет начал падать в океан.

Джон-Эй ощупью нашел пульт управления, включил автоматы пуска. «Разум» окутался защитным полем, загредел, преодолевая силу инерции, и, пробив облака, вышел в Космос. Страшный антимир остался позади, диск планеты постепенно уменьшался на экране.

...Спустя полчаса космонавты собрались в центральной каюте. Лица у всех были бледные, мрачные. Антоний беззвучно плакал, опустив голову на руки. Никто не утешал его, слишком тяжелой была неожиданная, непоправимая утрата.

— Друзья, — сказал Георгий, — мы должны вернуться. Опыт кончился неудачей. Мы лишились защитного устройства, без которого невозможно повторить попытку. А раз нет антивещества, полет к соседней Галактике немислим. Итак, назад, к Земле...

— Нет, — послышался голос.

Космонавты оглянулись, удивленные. На них смотрел Антоний. Его лицо уже было замкнутым, строгим, глаза сухие, покрасневшие.

— Нет, сказал я, — повторил он. — По моему, нет нужды возвращаться на Землю. Есть еще выход.

— Какой? — осторожно спросил Ваню.

— Ведь у нас имеется еще один контейнер для хранения антивещества?

— Да, имеется, — ответил Георгий. — Но я не понимаю... Ах, вот оно что! Я понял тебя. Ты хочешь...

— Да, командир. Надо закрепить контейнер снаружи, ввести звездолет в пояс антиастероидов, если они здесь есть, и...

— ...поймать большую глыбу, — подхватил обрадованно Джон-Эй.

— Верно. Именно так я и подумал.

Все одобрили смелое предложение. Несколько минут обсуждался дерзкий план. Уточнялись детали, проверялись расчеты. Роботы-помощники подтвердили наличие в системе антизвезды потока антиметеоров. Теперь все зависело от умения экипажа.

Приняв решение, космонавты собрались в тесный круг и взялись за руки. Глядя на объемные фотографии погибших друзей, покачиваясь в ритм с мелодией, они запели простые слова песни «Гимна погибшим космонавтам»:

Вы навсегда остаетесь во мраке,
Чтобы лететь метеорами в бездну.
Вам не судилась встреча с Отчизной,
Хоть за нее вы и отдали жизни.

Только дела ваши будут бессмертными,
Станут мечтою иных поколений.
Ваши страдания, подвиги, смерти
Станут дорогой к познанию Истины...

Навстречу возлюбленному

Марианна всю ночь бродила по берегу моря — одинокая, печальная. Не думала, не вспоминала ничего. Все уже передумано, все решено. Остановить его она не могла, а если бы и могла — разве сделала бы это?

Оставался один лишь выход — улететь вместе с ним. Ведь она инженер-энергетик и могла быть полезной в звездолете. Но Георгий решительно восстал против этого. Он не хотел быть исключением... а быть может, боялся за нее.

И вот она ходит как тень... вдали от него, вдали от людей. Знала, что Георгий недоумевает, мучится... знала — и не могла решиться еще раз встретиться с ним перед

вылетом. Почему? Просто вдали мука была менее ощутимой...

Кончалась короткая летняя ночь. Над морем плыли нежные пряди туманов, таяли в теплом, ароматном воздухе. Под утро усталая девушка села на камень, долго смотрела на далекие созвездия, бледнеющие в лучах нового дня.

«Вот так и мы, — подумала она. — Угаснем, как сон, как звезды, как детское воспоминание, а на нашем месте новые поколения зажгут светильники нового дня». А может быть, так надо? Может быть, напрасно она мучается и терзает сердце? Ведь ничего не изменится...

Смешно. Разве можно приказать чувству? И есть ли что-либо значительнее чувства? Разум? Да. Разум... Но он разрушает счастье, ибо счастье — только в любви! Так, может быть, прочь разум? Зачем он, если уходит радость жизни?

Марианна закрыла глаза, грустно улыбнулась. Хватит! Хватит этих никчемных и ненужных мыслей. Вот перед нею звездный путь в новые далекие миры. Мужественные сердца открывают его для грядущих поколений. Можно ли сейчас думать о себе? Сердце — на замок...

Маленькие облачка на востоке запылали таким ясным багрянцем, что казалось — какие-то великаны там, на небосводе, разожгли гигантский костер. Потом ослепительные лучи солнца пронизали пространство и помчались прочь, в бесконечность, оставив сверкающую, торжественную дорогу на морской глади. Подул легкий ветерок. Море заволновалось. А на душе у Марианны воцарилось спокойствие.

Сняв обувь, она босиком побрела по траве, усеянной серебристыми бусинками росы. Она направилась прямо к стартовому полю, лежавшему в семи километрах от моря.

Там уже бурлила огромная толпа. Марианна поднялась на древний курган. Отсюда виден был аппарат, возвышавшийся над космодромом, видны были фигуры Георгия и других космонавтов. Но девушка решила ближе не подходить. Несколько томительных часов стояла неподвижно, изнывая от жары. Все выше поднималось солнце, ветер крепчал. Вот послышался голос Георгия, усиленный динамиками. Он предупреждал о старте. Толпа начала редеть, вертолеты тучей поплыли в сторону Космограда. Только теперь Марианна тро-

нулась с места. Она в последний раз посмотрела на провожающих, на Георгия и вдруг засмеялась.

— Какая же я глупая! — сказала она вслух и неожиданно запрыгала на одной ноге, как когда-то в детстве.

Затем остановилась, смущенно оглянулась. Но поблизости никого не было, только горячий ветер шевелил серебристый ковыль на кургане.

«Вот будет сюрприз!» — улыбнулась Марианна. Глаза ее заискрились, осунувшееся лицо покрылось румянцем. Она посмотрела на хронометр. Без пяти минут пятнадцать. Через пять минут старт! Марианна прилегла за камнем, впившись взглядом в звездолет. Сердце замерло.

Плыли последние секунды. И вдруг аппарат потускнел, медленно превращаясь в подобие миража. Вокруг него появилось голубое сияние, похожее на туманную корону.

«Включено защитное поле», — подумала Марианна.

Мираж поплыл вверх. Вокруг загорело. Могучие потоки энергии взметнули голубую корону в сияющее небо. Страшный вихрь поднял тучи песка и пыли, прижал девушку к земле. В глазах потемнело.

Все было кончено. Девушка поднялась, оглянулась. Умолкло далекое гроыхание в небе, ветер уносил к морю тучи пыли. Над местом старта уже кружили вертолеты. Один пилот увидел Марианну, снизился к ней.

— Вы были здесь во время старта? — испуганно спросил он, наклоняясь через борт открытой кабины.

— Да, — спокойно ответила девушка.

— Вы с ума сошли! Немедленно в больницу!

— Не беспокойтесь! — засмеялась Марианна. — Ничего не случится.

Она легко взбежала по лестнице, села рядом с пилотом и сказала:

— Пожалуйста, проспект Цветов, двадцать семь.

Пилот удивленно посмотрел на нее, но, не говоря ни слова, поднял машину в воздух.

Марианна ушла в себя, замкнулась. Как-то подсознательно она ощущала, что вокруг струится теплый, пряный воздух, что внизу плывут бесконечные поля, буйные сады, цветущие улицы родного Космограда.

Она не видела всего этого, ибо думала совсем о другом.

Она решилась на невероятное. Говорила ли ее грусть о раскаянии? Нет, сто раз нет!..

Вертолет сел возле дома номер 27. Это был небольшой голубоватый коттедж, окруженный молодыми березками. Марианна сама когда-то посадила их, привозя саженцы из-за города.

Девушка, простившись с пилотом, направилась к воротам.

— Советую вам побывать в больнице! — крикнул он ей вдогонку.

Марианна не ответила. Она вошла в дом, упала в изнеможении на широкую тахту и разрыдалась. Бабушка встревожилась, но, сколько ни расспрашивала внучку о причинах ее горя, так и не добилась ответа. Под вечер девушка сообщила в Киев, что оставляет работу.

После этого Марианна не гуляла, не отдыхала ни одного часа. Дни и ночи она проводила возле универсального приемника, слушающая сообщения Космоцентра. Она хотела знать все о судьбе «Разума». Наконец, спустя два месяца, пришла гравииграмма с далекой антизвезды.

Мир узнал о трагедии на антипланете и о том, как удалось поймать антистероид. Георгий передавал, что теперь у них достаточно антивещества. Они посылали привет людям Земли, прощались с ними и общались, что берут курс на Большое Магелланово Облако.

На этом сообщение окончилось. Затуманенными от слез глазами Марианна посмотрела в последний раз на изображение возлюбленного, дрожавшее на экране. Вот оно потемнело, исчезло. Все...

Девушка долго сидела неподвижно, спрятав лицо в ладони. Потом вытерла слезы и вышла из дома. Постояла, прижавшись к белокорой березке, будто прощалась с ней.

На проспекте остановила вертолет, попросила доставить ее в Институт анабиоза.

Широкие бульвары и улицы Космограда быстро промелькнули внизу. По ним плыли потоки людей, но девушка не видела их.

Вертолет сел на крыше огромного сооружения, окруженного глухой стеной. Марианна вскочила с сиденья и побежала вниз, по широкой лестнице, покрытой мягким пушистым ковром. На первом этаже

ей навстречу из-за стола поднялся полный пожилой мужчина в белом халате, с длинными седыми усами и добрыми светлыми глазами.

— Что вам угодно? — приветливо спросил он.

— Я читала, что вам нужны добровольцы... для опытов по анабиозу, — робко сказала девушка.

— Вы хотите предложить... себя?

— Да...

— Для этого надо созвать совет института. Я сейчас...

Он нажал кнопку на столе, набрал несколько цифр на диске с номерами.

— А теперь пойдете, — мягко сказал он, обращаясь к Марианне.

Они пошли по светлому, широкому коридору. Сердце девушки замерло. Что она делает? Неужели все это свершится? Да.

Марианну усадили в кресло с мягкими воздушными подушками. Она оглянулась. Сквозь матовые полупрозрачные двери проникал приятный свет. В комнате, кроме кресел, стола и вазона с голубыми цветами, каких Марианна никогда не видала, ничего не было.

Девушку почему-то очень заинтересовали эти цветы.

«Откуда они? — мучительно размышляла она. — Таких на Земле нет. Наверное, с другой планеты. Интересно было бы узнать...»

Неслышно открылась дверь. Вошли еще несколько человек в белом одеянии. Они поздоровались с Марианной, сели вокруг.

— Итак, — начала женщина, пристально глядя на девушку, — мы члены совета института. Нам дано право отбирать добровольцев для анабиоза. Вы это имели в виду?

— Да, — еле слышно прошептала Марианна. Ее полные губы вздрогнули. — Я хочу перейти в будущие века...

— Какой же срок вы избираете?

— Я... не знаю...

Врачи удивленно переглянулись.

— Что это значит? — спросил усатый врач. — В чем, собственно, причина вашего желания уйти из нашего времени?

Марианна подавила волнение, постепенно успокоилась.

— Я невеста Георгия, — сказала она, — командира внегалактической экспедиции. Вы, вероятно, знаете его?..

— Кто же на Земле не знает Георгия? — тихо ответила женщина-врач. — Но почему вы не полетели с ним?

— Это было невозможно. Я пыталась, но безуспешно. Да... Что я хотела сказать? Вот. Я люблю его. Но ведь мы никогда не встретимся, если я буду продолжать жить. Я не могу жить без него... и прошу... усыпить меня. И воскресить тогда, когда Георгий вернется с Большого Магелланова Облака.

Женщина-врач слабо улыбнулась, сняла очки, протерла их:

— Но ведь и нас тогда не будет. Вы же знаете, что экспедиция вернется не раньше чем через три тысячи лет...

— Передайте мое завещание будущим поколениям врачей, — упрямо сказала Марианна.

Седой врач пожал плечами, переглянулся со своими коллегами.

— Но даже в состоянии анабиоза ваш организм не проживет так долго. Нет. Безусловно нет... Вот разве новые опыты?..

— Какие опыты?

— Бесконечно долго хранить человеческое тело с жизнеспособной потенцией можно лишь в состоянии искусственной клинической смерти, но ведь...

— Пусть будет смерть, — сказала Марианна. — Лишь бы дождаться его...

Наступила тишина. Усатый врач поднялся и торжественно произнес:

— Один из основных пунктов Великой Хартии Мира гласит: «Любое желание человека, если оно не противоречит разуму и не приносит вреда обществу, священно». Я согласен!

Медленно встала женщина, положила руку на черноволосую голову Марианны.

— В морально-этических заповедях Великой Хартии сказано: «Целесообразность любого действия, продиктованного подлинной человеческой любовью, не может ставиться под сомнение». Я согласна.

К Марианне подошел высокий ученый, молчавший до сих пор. Его пристальный взор остановился на бледном лице девушки.

— Вы хорошо обдумали свой шаг? — спросил он.

— Да.

— Может быть, это лишь порыв? Может быть, вы не совсем осознали, что вот теперь добровольно отказываетесь от солнца, цветов, друзей, родных и знакомых, от всего того, что называется жизнью? Мо-

жет быть, вы забыли о том, что воскреснете в такое время, когда вокруг вас будут совершенно чужие люди, новые, далекие поколения?

Марианна вспомнила разговор с Георгием на островке среди Днепра. В ее сознании всплыл его восторженный голос:

«Пройдут тысячелетия. Земля объединится с иными мирами. Вся Галактика станет единым организмом, затем Метагалактика... и вся беспредельность. Ты понимаешь, Марианна? От Альфы — к Омеге! От первой капельки жизни — к бесконечности! Вот наш путь — путь разума. Нет, о какой же смерти можно говорить!»

Марианна улыбнулась. Спасибо тебе, возлюбленный. Я слышу тебя, я понимаю тебя. Да, смерти нет! Есть только восхождение к истине. А это восхождение требует жертв и сил...

Девушка ясным взором посмотрела на врачей, покачала головой:

— В том мире я не буду несчастной. Там будет он, Георгий! И не чужие люди будут жить в том мире, а наши с вами потомки. Все. Я твердо решила...

Ученый отступил назад, склонил голову и взволнованно произнес:

— Я согласен.

— Согласны, — подтвердили все члены совета.

Марианна побледнела. Ее судьба была решена. Она уходила сквозь тьму времени навстречу возлюбленному...

На границе Галактики

Проносились океаны времени. «Разум» останавливался во многих звездных сгущениях Галактики, проводил исследования цефеид, карликов, туманностей и планет. Фильмотеки звездолета пополнялись бесценной научной информацией. А космонавты по-прежнему жаждали главного — встречи с высокой цивилизацией. Но пока что этой встречи не было. Пока что они обнаруживали лишь планеты с примитивной жизнью — мыслящему существу здесь предстояло формироваться еще целые тысячелетия.

Закончив исследования гравитации сверхтяжелой звезды, космонавты решили направиться к границам Галактики. Перелет в соседнюю Галактику был главным заданием Земли.

Автоматы, получив программу, включили защитное поле. Звездное небо исчезло в перископах. Вокруг плыла серая мгла. «Разум», изолированный от сил мирового тяготения, начал набирать скорость. А впрочем, была ли это скорость? Точнейшие исследования, проведенные экспедицией, проливали новый свет на сущность движения со сверхсветовой скоростью. Аналитические автоматы показывали, что в силу вступают новые, неведомые на Земле законы взаимодействия вещества и поля. Грядущей науке предстояло расшифровать эти драгоценные сведения, накопленные экспедицией. Но сейчас было ясно одно: звездолет развивал скорость, которая превышала скорость света в миллионы раз.

Георгий, борясь с головокружением, взглянул на Джон-Эя. Тот, как и раньше, сурово и спокойно смотрел на приборы, только по его худому лицу катились капли пота. Порой в перископах мелькали размытые светлые линии — следы звезд, вернее их полей. Некоторые из них проходили совсем близко от трассы звездолета. В эти мгновения приборы вспыхивали тревожным багровым светом, а лицо Георгия каменело.

— При малейшем нарушении в защитном поле, — прошептал Джон-Эй, — нас разорвет гравитацией...

Георгий не успел ответить. «Разум» тряхнуло с такой силой, что в глазах у космонавтов потемнело.

— Полная защита! — прохрипел командир задыхаясь.

Удары усилились, быстро нарастала температура. Послышались тревожные сигналы из центральной каюты:

— Температура восемьдесят! Охлаждающая установка не помогает!

— Люди теряют сознание!

— Катастрофическая жара!

И вдруг все переменялось. Исчезла невероятная тяжесть, установилась нормальная температура. Георгий, еще не придя в себя от потрясения, бросился к приборам. Они показывали, что звездолет невредим и продолжает полет между полями Галактики с нужной скоростью.

Джон-Эй настроил роботов-помощников, чтобы они продемонстрировали работу приборов во время прохождения катастрофического участка. И перед космонавтами возникло изображение огромной красной звезды — она приближалась, заполняла весь экран. Штурман выключил проектор.

— Все ясно, — сказал он. — Мы прошли сквозь фотосферу красного гиганта... Еще несколько минут — и поле не выдержало бы!

— Что бы там ни было, — заключил Георгий, — нашему звездолету цены нет...

Приборы показывали, что «Разум» вышел на границы Галактики. Автоматы начали торможение. Здесь предстояла последняя остановка перед рывком в Большое Магелланово Облако. Могучие потоки энергии, извергавшиеся в направлении полета корабля, замедляли его движение.

Проходило удивительное время — короткое в звездолете, необъятное в окружающих системах. «Разум» летел уже с обычной крейсерской скоростью межзвездных кораблей.

Джон-Эй выключил защитное поле. В перископах возник невиданный людьми Земли рисунок звезд. Они образовали гигантскую серебристую спираль, которая заполняла все небо. А впереди, на центральном экране, уже выросла новая Галактика — Большое Магелланово Облако.

Левее курса звездолета приветливо сиял красный диск одинокой звезды. Георгий довольно улыбнулся и, указав на нее Джон-Эю, сказал:

— Это безусловно старая звезда. Если там есть планеты и жизнь, они достигли высокого уровня цивилизации. Мы исследуем эту систему.

— Ты хочешь здесь остановиться?

— Да. Это будет наша последняя остановка в пути к соседней Галактике. Здесь мы проведем некоторые исследования и проверим все наружные системы звездолета. После встречи с красным гигантом это необходимо сделать.

Автоматы вновь получили указания замедлить молниеносный полет корабля...

Мир красного карлика

Красная звезда увеличивалась. Она быстро выросла на экране и наконец превратилась в багровый диск, который заполнил половину небосвода. Однако, несмотря на огромные видимые размеры звезды, радиацию она излучала слабую. Это отметили роботы-помощники. Звезда принадлежала к классу красных карликов.

Послышались сигналы автоматов-радиотелескопов. Георгий включил экраны. На черном фоне показалась планета, затем

вторая. Звезда имела два темных спутника. На каком же из них есть жизнь?

Роботы-помощники по программе Джон-Эя производили расчет. Вскоре выяснилось: нормальная жизнь может быть лишь на ближайшей к светилу планете. Там достаточно тепла и кислород сохранился в довольно густой атмосфере.

— Ты был прав, — произнес повеселевший Джон-Эй. — Я уверен, что здесь мы кое-кого встретим...

— Тогда на посадку?

— Да.

Звездолет вошел в спираль снижения. Гравиметры показывали, что планета лишь в полтора раза массивнее Земли, поэтому вес на ней ненамного превышает нормальный.

Из-за красноватых туч, застилавших поверхность планеты, выглянули небольшие водоемы, полосы растительности, темные пятна не то построек, не то развалин. «Разум» вошел в атмосферу и с пронзительным воем помчался над затененным полушарием нового мира. Сердце Георгия сжалось от смутного предчувствия. Чуждой и неприветливой показалась ему внизу, во тьме, поверхность планеты.

Снова издалека появилась красная полоса — линия терминатора, а затем выплыл из-за горизонта диск угасающего светила. Непрерывно падавшая скорость звездолета снизилась до нуля — корабль повис над коричневой пустыней и медленно опустился на широкою равнину.

В перископах пламенел кровавый расцвет. Где-то на горизонте темнели не то зубцы далеких гор, не то массивы дремучих лесов. Небо было темно-синим, и по нему быстро проносились багровые тучи, напоминавшие уродливые космы сказочного чудовища. На всем здесь лежал отпечаток неумолимой смерти, медленного угасания и какого-то необъяснимого ужаса.

Георгий и Джон-Эй некоторое время угрюмо наблюдали в перископы безрадостные пейзажи чужого мира. Потом командир переглянулся со штурманом, пожал недоуменно плечами, сказал:

— У меня складывается впечатление, будто здесь прошла какая-то адская, всепожирающая машина... Посмотри, мне кажется... это не натуральная пустыня...

Джон-Эй сурово смотрел на равнину. И у него не лежала душа к этой планете, однако Георгию он сказал:

— Может быть, это впечатление вызвано нашей усталостью после полета? Может быть, мы приземлились в невыгодном месте? Ведь во время снижения была видна растительность и сооружения. По-моему, необходимо исследовать планету.

— Да, это верно. Не будем терять времени. Соберем товарищей. Приготовим экспедиции. Отдохнем — и в путь. Я останусь на звездолете, проверю все механизмы. Ты поможешь мне.

Джон-Эй умоляюще посмотрел на командира:

— Нет, Георгий, я пойду с друзьями. Мне очень хочется посмотреть этот мир. Да и, может быть, встретим кое-кого...

— Вечный странник! — засмеялся командир. — На какой планете тебе ни приходилось бывать, ты, кажется, не упускал ни одного такого случая. Ну, так и быть, иди. А теперь — к друзьям...

...После короткого совещания и отдыха космонавты приступили к сборке вездеходов. Несколько часов работы, — и рядом с кораблем выросли две мощные машины. Одна — закрытая, с надежной биологической и магнитной защитой, с передающими установками.

В каюте появился Джон-Эй. Он был облачен в теплый защитный комбинезон. Георгий критически осмотрел его, сказал:

— Захвати биомаску. Мы не знаем, какие здесь бактерии. То же сделать остальным. И еще... оружие...

— Ты думаешь...

— Не знаю, — уклончиво сказал Георгий. — На всякий случай.

— Хорошо, — серьезно ответил штурман. — Мы возьмем...

Георгий обнял товарища, крепко прижал к груди. И почему-то в сознании мелькнуло лицо Марианны, до боли родное, всегда волнующее. Видение было настолько реальным, что командир вздрогнул.

— Что с тобой? — встревожился Джон-Эй.

— Ничего, — прошептал Георгий. — Понимаешь... почему-то вспомнилась Марианна... и я увидел ее. Ты не будешь смеяться? Правда?

— Нет, — ласково и грустно сказал Джон-Эй. — Я не буду смеяться, друг. Я понимаю... все... Но вспомни, что на Земле прошли уже тысячелетия. Нет никого из тех, кто провожал нас. Марианны

тоже. Забудь о том, что было когда-то. Нам надо думать о будущем...

Георгий закрыл глаза, помолчал. Показал головой:

— Нет... Нет. Ее не забыть никогда...

Как бы стяхивая что-то, он выпрямился, ясным взором посмотрел на товарища:

— Пора...

Джон-Эй ушел.

Красная звезда висела в зените. Георгий включил аппараты внешнего обзора. Возле звездолета появился Джон-Эй с группой товарищей. Снаружи до командира доносились тонкий вой ветра и приглушенный говор космонавтов. Послышалась команда Джон-Эя:

— По машинам!

Космонавты с радостью бросились к вездеходам. После долгого пребывания в звездолете хотелось новых впечатлений, разнообразия.

Меньшую машину вел Борислав. С ним ехали Ваню и Антоний. Орамил и Тавриндил отправились с Джон-Эем. Садясь в вездеходы, космонавты приветственно подняли руки, прощаясь с командиром. На их лицах поблескивали маски с огромными очками, на груди у каждого висели тяжелые излучатели.

— Не унывай, командир! — закричал Ваню. — Скоро вернемся с делегацией местных обитателей! Готовь закуску для гостей!

— Счастливой дороги, друзья! — загремел ответ Георгия в динамиках машин.

Вездеходы бесшумно тронулись с места, вздымая гусеницами густую рыжую пыль, уносимую ветром. Багровый диск звезды быстро садился за горизонт, освещая тусклым светом мрачный пейзаж. День был на исходе.

Тревога охватывала душу Георгия. Он не мог понять, откуда она. Ведь ничего не случилось. Все в порядке...

Командир сидел у пульта и смотрел, как исчезали в красной полутьме два вездехода, увозя товарищей навстречу неизвестности...

Железное войско

Вездеходы ушли по разным направлениям: Борислав — на север, Джон-Эй — на восток.

Штурман направился к отрогам горного хребта, видневшегося на горизонте. В той

стороне он при снижении заметил какие-то сооружения. Джон-Эй и его спутники с удивлением и тревогой смотрели на простиравшуюся равнину. Среди рыжих песков кое-где виднелись остатки развалин и островки пепла. Угрюмое освещение звезды придавало всему какой-то злоеущий характер. Космонавты молчали, подавленные непривычным пейзажем.

Так прошло около часа. Вдруг Тавриндил коснулся руки штурмана, показал вперед:

— Сооружение. Настоящее... и целое.

Действительно, на горизонте появилось куполообразное строение, тускло поблескивавшее в лучах заката. Вездеход, вздымая гусеницами тучи песка, быстро приближался к странному зданию.

Джон-Эй остановил машину. Моторы умолкли. И тогда ясно послышался вой ветра, выдувавшего грязную пыль из рыжих холмов. Эти звуки были неприятны и злоеущи в наступившей тишине.

— Да, это постройки разумных существ, — без всякого воодушевления произнес Джон-Эй. — Только не нравятся они мне...

— И мне тоже, — пробормотал Тавриндил. — Пустыня, сожженная равнина... и вдруг это сооружение. Не идет ли здесь война?..

Штурман помолчал, размышляя. Затем решительно сказал:

— Ждать нечего. Мы обязаны идти вперед. Для этого мы здесь. Тавриндил! Ты останешься, а мы с Орамилом пройдем пешком. Включи телескопическую связь.

Захватив излучатели, космонавты вышли наружу. Дверцы вездехода захлопнулись с глухим стуком. Штурман и Орамил быстро зашагали к сооружению, на ходу обмениваясь мнением о загадочной планете.

— Непонятно! — воскликнул астроном. — Огромная пустыня, усеянная пеплом и развалинами... и это гигантское сооружение. Одно свидетельствует о жестокости и безумстве, второе — об интеллекте и разуме! Какая-то загадка...

Когда они уже были примерно в ста метрах от постройки, Джон-Эй замедлил шаг и дал знак остановиться. Его опять начало угнетать какое-то тяжелое предчувствие.

Вдруг у основания куполообразного строения открылись черные люки. Орамил схватил штурмана за руку:

— Что это?

Джон-Эй не успел ответить. В наушники ворвался тревожный голос Георгия:

— Товарищи! Назад! Опасность! Здесь враги!

В ту же секунду из темных отверстий как бы выплыли сотни чудовищных существ. Да существ ли? Красная звезда, падая за горизонт, заливала багровыми лучами равнину, и путешественники ясно различали кровавые отблески на округлых металлических «телах». А может быть, это машины, в которых прятались разумные существа? Длинные ряды непонятных машин выстраивались перед сооружением — «ангаром».

Космонавты неуверенно попятились назад. Снова издали донесся голос командира:

— Они напали на машину Борислава! Бегите, друзья! В случае чего пускайте в ход оружие!

Но не успели космонавты отбежать и десятка шагов, как огромная лавина машин колыхнулась и неслышно двинулась на них. Их полусферические тела будто плыли в ореоле мягкого сияния над пустыней, поддерживаемые в воздухе неведомой силой.

— Это ужасно! — прошептал Джон-Эй. — Мы даже не знаем, с кем имеем дело...

— Будьте осторожны, друзья!.. Будьте осторожны! — звучал издали голос Георгия.

Сердца космонавтов сжались в предчувствии беды. Непонятные адские машины немолимо надвигались. Уже заметно было, как под их полупрозрачным покрытием спиралью переливается фиолетовая жидкость. Что за наваждение? Не более ста метров уже разделяло беглецов и преследователей.

— Приготовить оружие! — приказал Джон-Эй.

А железное войско все приближалось, охватывая кольцом медленно отступавших космонавтов...

Битва

Проводив товарищей, Георгий задумался, глядя в туманную даль. Ему не нравилась эта планета, не по душе ему было все то, что он увидел, наблюдая ее из звезд

долета. Почему, он не мог сказать, но подсознательно возникшее чувство смутной тревоги его не оставляло.

Медленно и томительно тянулось время ожидания. Обе группы сообщили, что вокруг все та же пустыня — ничего отрадного, ничего интересного пока не видно. Но вскоре началось что-то страшное.

Борислав сообщил о встрече не то со странными машинами, не то с живыми существами, остановившими продвижение вездехода. То же самое подтвердил Джон-Эй. Попытки связаться с представителями этого мира оказались безуспешными. Георгий приказал отступить.

Он включил телесвязь. Над пультом зажглись экраны. На них возникло изображение мрачной пустыни, над которой медленно, но неуклонно плыли лавины металлических чудовищ, окружая людей.

В крайне тяжелом положении оказалась группа Джон-Эя. Между вездеходом этой группы и чудовищами осталось пространство метров в сто. Георгий видел двух людей на фоне целой армии страшилищ, и ему стало ясно, что товарищам не уйти.

«Эх, если бы...» — подумал командир. И, словно приняв его мысль, Орамил решительно остановился и произнес:

— Джон-Эй, я задержу их. Беги под защиту машины!

— Нет! — воскликнул штурман.

— Беги! — умоляюще повторил Орамил. — Ты штурман! Не забывай о задании Земли. Прощай, друг!

— Благодарю тебя, брат! — крикнул командир. — Джон-Эй, приказываю уходить!

После мгновенного колебания штурман, обняв товарища, побежал к вездеходу. Орамил остановился, приготовив тяжелый излучатель. Остановилось и железное войско.

Но вот над средними машинами появились параболические антенны в зловеще алом сиянии. Георгий увидел это и понял, что сейчас что-то произойдет.

— Орамил! Будь осторожен! — воскликнул он.

Яркие фиолетовые молнии ударили с верхушек антенн. Орамил зашатался. Вскрикнув от боли, он опаленными руками поднял раструб излучателя. Невидимые концентрированные потоки энергии хлынули на центр металлической армии. Там, где они прошли, машины вспыхнули ярким

пламенем, превращаясь в куски оплавленного металла. Фланги войска остановились. Но вдруг все машины ошетились антеннами и ураган фиолетовых молний устремился к Орамилу.

Георгий зажмурил глаза, ослепленный светом ярких лучей, а когда снова посмотрел на экран, то на песке пустыни, там, где только что стоял Орамил, чернела кучка пепла. Волна отчаяния захлестнула Георгия. Все пропало! Какая ужасная трагедия! Это не мыслящие существа, это не живые создания! Это какие-то демоны выползли на страшную равнину!

А кольцо чудовищ уже замыкалось вокруг вездехода. Джон-Эй едва успел добежать до него и вскочить в открытые дверцы. Сильные руки Тавриндила подхватили тяжело дышавшего товарища.

— Защиту! — прохрипел Джон-Эй. — На полную мощь! Излучение по чудовищам... и немедленно к звездолету!

Тавриндил включил двигатели. Вездеход рванулся прочь от места схватки. Джон-Эй с отчаянием переключил почти всю энергию машины на излучатели. Стволы-рефлекторы нацелились на передовые ряды железного войска. Могучие лучи скользнули по чудовищам. Вспышка невероятной силы осветила пустыню. Горели в пламени взрывов сотни преследователей. Но из мрака выползли тысячи новых машин, продолжая преследование.

Георгий, холодея от ужаса, посмотрел на второй экран. Там положение было не лучше. Железные армии полностью отрезали вездеход Борислава от звездолета. Эта машина не имела энергетической защиты, и ее участь была предрешена.

Окаменевший от горя Георгий видел, как в потоках фиолетовых молний гибнут его товарищи. Видел, но ничего не мог сделать, ничем не мог им помочь. Его спутники превратились в пепел на далекой планете, за десятки тысяч парсеков и тысячи лет от родной Земли.

А тем временем к звездолету приближался уцелевший вездеход, окруженный мощным полем защиты, и в нем были два космонавта, оставшиеся в живых. Их преследовала многотысячная армия железных чудовищ, обстреливая убежище людей потоками молний. Но страшные разряды не проникали сквозь невидимую броню вездехода. Джон-Эй, изнемогая от жары, оглядывался назад. Если поле не выдержит,

тогда конец! Георгий останется один! Один во всей Вселенной!

Наконец во мраке вырисовался силуэт звездолета. Внизу уже темнел вход, заблаговременно открытый Георгием. Вездеход, круто развернувшись, остановился. Туча пыли взметнулась над ним. В то же мгновение Джон-Эй ощутил адскую жару. Вездеход окутал океан фиолетового пламени.

«Исчезло защитное поле!» — с ужасом подумал штурман. Резким движением он включил внешние излучатели. Вокруг загрохотало. Превозмогая страшную слабость, Джон-Эй открыл дверцу.

— Скорее, Тавриндил! — крикнул он.

Никто не откликнулся. В отблесках пламени штурман увидел открытые мертвые глаза астронома. Джон-Эй вывалился из вездехода и подполз к кораблю. Он уже почти ничего не слышал, не видел.

Когда последний оставшийся в живых член экспедиции вполз в люк и вход за ним закрылся, все пространство пустыни озарило пламенем фиолетовых разрядов. Бешеные потоки энергии ринулись на последний оплот людей. Но корабль уже был вне опасности.

По команде Георгия автоматы включили защитное поле, отрезав корабль от внешнего мира. Затем голубая тень промелькнула среди багровых туч, унося двух космонавтов с планеты ужаса и смерти в бесконечные провалы Космоса...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЦАРСТВО ЖЕЛЕЗНОГО ДИКТАТОРА

Большое Магелланово Облако

Открыв глаза, Джон-Эй увидел лицо Георгия, похудевшее, изможденное, с неподвижным, стеклянным взглядом. Командир, застыв, как изваяние, смотрел в пространство, где ярко сияли звезды Большого Магелланова Облака. В их призрачном освещении он был похож на мертвеца.

Сознание вернулось к штурману, и ужасные картины трагедии мгновенно всплыли в его памяти с потрясающей четкостью. Он застонал от боли, тихо позвал:

— Георгий...

Командир молчал.

— Георгий. Ты слышишь меня?

Георгий приблизил к Джон-Эю свое лицо и, уставившись на штурмана обезумевшими глазами, прохрипел:

— Что тебе?

— Скажи... Георгий, это было?.. Или это сон?

Георгий не ответил. Он уронил голову на пульт и зарыдал. Штурман печально смотрел на него, не утешал, не произносил ни слова. Он ждал. Он понимал, какие чувства обуревают командира, потерявшего в одно мгновение почти всех друзей.

Шло время. Спокойно светились звезды в темном пространстве. Наконец штурман нарушил молчание:

— Пора возвращаться, Георгий...

Командир медленно повернулся к товарищу, посмотрел на него. Взгляд его был сух и суров.

— Возвращаться? Куда?

— На Землю... на родину, Георгий...

— На Землю? — спросил командир. — А задание Земли? Мы разве выполнили его?..

— Задание? — горько усмехнулся Джон-Эй. — О каком ты задании говоришь... командир! Не о том ли, которое вдвоятером не осилили? И ты вздумал выполнить теперь, когда нас осталось двое?

Георгий выпрямился. В подернутых какой-то тенью голубых глазах сверкнула решительность, губы сжались в упрямую линию.

— Нет! На Землю мы теперь не вернемся, Джон-Эй. Разве ты не чувствуешь, что сейчас на нас легла еще большая ответственность? И за себя... и за погибших! Нет! Мы выполним свой долг до конца!..

Понизив голос до шепота, он склонился к Джон-Эю и с мольбой посмотрел ему в глаза:

— Я прошу тебя, Джон-Эй... Это моя единственная просьба. Я заклинаю тебя. Если кто-либо из нас погибнет, второй доведет все до конца. А если и второй должен будет... умереть, он даст задание автоматам. У нас накопились бесценные материалы по всему курсу, и звездолет должен вернуться с ними на Землю. Наша смерть... смерть друзей... труд многих тысяч людей, готовивших нашу экспедицию, — все это не должно пропасть даром.

Джон-Эй крепко обнял Георгия, прижался к нему. Серые всегда суровые глаза штурмана мягко засветились.

— Прости меня, Георгий, я говорил вовсе не то, что думал. Возможно, это было жестоко с моей стороны, но я полагал, что тебя нужно было крепко встряхнуть и вывести из оцепенения. Но теперь я вижу, что ты стал прежним Георгием, и я счастлив. Я готов ко всему, друг мой...

Снова были проведены расчеты, автоматы получили программу. Защитное поле окружило звездолет. Предстояло проскочить бездну, разделяющую две галактики. «Разум» задрожал, набирая скорость, пожирая миллиарды километров в секунду. Где-то позади осталась страшная планета, на равнинах которой развеян пепел друзей. Невероятно! Непонятно! Чем оправдать эту смерть, как?..

Еле слышно пощелкивали приборы, спокойно мигали глазки роботов-помощников. Космонавты неподвижно лежали в креслах, погруженные в тяжелые думы. Наконец Джон-Эй произнес:

— Что это было... как ты думаешь?

— Не знаю... Во всяком случае, не живые существа... не люди. Наверное, какие-то аппараты, управляемые с далекого расстояния... или роботы. Иначе нельзя объяснить эту бессмысленную жестокость, это полное отсутствие страха... Конечно, это были машины...

— Но ведь существа, создавшие машины столь высокой техники, должны отличаться не менее высоким интеллектом. Как же могут люди высокой цивилизации расправляться так беспощадно с другими людьми? Что, наконец, их толкает на это варварство?

— Кто его знает? Кто нам об этом скажет? Да и наличие интеллекта ничего еще не значит. Вспомни историю Земли... Разве видные ученые не отдавали свой гений для создания орудий уничтожения? И здесь происходит то же самое. Ты видел пустыню? Ведь она не порождение катаклизма. Совершенно очевидно, что эта местность превратилась в пустыню после разыгравшихся здесь сражений.

Они снова замолчали, осмысливая происшедшее. Так прошло несколько часов. И вот прозвучал сигнал контрольного робота. Защитное поле исчезло. В перископах засверкали такие яркие звезды, что стало больно глазам. «Разум» вошел в большое

шарообразное скопление на границах Большого Магелланова Облака. Рядом во всем великолепии сияла родная Галактика, видимая под небольшим углом к экватору. В центре, где сосредоточились десятки миллиардов звезд, пылало сплошное сияющее пятно, прорезанное в нескольких местах полосами пылевой материи. В сторону уходили сияющие спирали, словно крылья сказочной птицы, устремленные в темные просторы пространства.

Космонавты обнялись, молча, без слов поздравляя друг друга. Затем, не сговариваясь, остановились перед фотографиями друзей, помещенными на стене левее пульта. Джон-Эй первым затынул охрипшим голосом «Гимн погибшим космонавтам». Георгий подхватил. Голоса двух одиноких людей зазвучали в тиши Космоса, за сотни тысяч световых лет от родины...

Тем временем роботы-помощники провели необходимые исследования окружающих звезд. Они определяли возможность жизни в этих системах. Одна за другой отпадали близкие системы кратных звезд, цефеид, новых. Возле них высокоорганизованной жизни быть не могло. Наконец роботы отыскали то, что нужно. Космонавты, услышав сигнал, подошли к экранам.

Роботы отметили голубую крупную звезду, вокруг которой вращались на больших расстояниях двадцать семь планет с огромным количеством спутников. Судя по данным анализатора, жизнь была возможна не менее чем на десяти планетах. Более близкие были лишены атмосферы. Сильная радиация голубого светила уничтожила газовые оболочки и превратила планеты в раскаленные мертвые миры. Разумная жизнь могла существовать только на планетах внешнего пояса.

Космонавты с восторгом смотрели на гигантскую систему. Это было необыкновенно красивое зрелище. Вид голубой звезды в окружении двадцати семи планет и сотен спутников вызывал чувство восхищения.

— Там безусловно обитают живые существа, — тихо произнес Георгий. — И они, должно быть, прекрасны, Джон-Эй...

Штурман печально склонил голову.

— Каким бы это счастьем было для наших друзей, будь они живы! Они так мечтали встретить новый, сказочный мир!..

Космонавты помолчали, как бы отдавая дань погибшим. Затем сели в кресла, при-

готовились к полету в систему голубой звезды...

Субсветовая скорость звездолета была погашена. Автоматы направили его к пограничной планете, где предполагалась разумная жизнь. Началось торможение. И вдруг какая-то чудовищная сила подхватила звездолет и, как щепку, понесла в направлении планеты.

Георгий и Джон-Эй, напрягая всю свою волю, пытались осмыслить происходящее. Они видели, что, увлекаемый неведомой силой, «Разум» летит навстречу катастрофе. Но что-то затуманивало их сознание и лишило воли к сопротивлению.

Необъятный мрак надвинулся и поглотил их...

Железный диктатор

Джон-Эй ощутил слабое дуновение ветра. Глаза не открывались, он не мог поднять отяжелевшие, словно свинцом налитые веки. Послышался шорох.

Казалось, над головою шумит листва деревьев. Где же он? Что с ним? Кто его перенес в лес? Кроме ветра, не слышно было никаких звуков. Безмолвие.

Кто-то тихо застонал. Голос был знакомый, но, кому он принадлежит, Джон-Эй никак не мог вспомнить. Он решительно обо всем забыл, как это нередко случается с человеком, перенесшим тяжелую болезнь.

И вдруг прошлое появилось из мрака забытья, точно вешние воды, прорвавшие запруды. Джон-Эй вспомнил все — их полет в бесконечность, неравный бой с чудовищными машинами, неожиданную и непонятную катастрофу в системе голубой звезды, наконец, падение звездолета. Но как они остались в живых? Неужели «Разум» не разбился? Неужели выручили автоматы? Но где тогда Георгий? Он должен быть в кресле справа. В кресле? Но ведь и он, Джон-Эй, не ощущает ни кресла, ни вообще атмосферы звездолета... Откуда эта струя воздуха? О, если бы поднять невыносимо тяжелые веки!

Внезапно Джон-Эй почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Этот взгляд гипнотизировал его, заставляя подняться. И вот, преодолевая страшную тяжесть, штурман открыл глаза.

Яркие лучи ослепили его. Он прикрыл глаза ладонью и далеко вверху увидел легкие перекрытия прозрачного купола. На

бледном фоне неба пылал небольшой диск голубого солнца. Левее штурман увидел свой корабль — весь в ржавых пятнах.

Превозмогая боль, Джон-Эй уперся руками об пол и медленно приподнялся. Рядом с ним лежал Георгий. Глаза командира были закрыты, но грудь слабо вздымалась. Значит, он жив...

— Георгий, — тихонько позвал Джон-Эй.

Веки Георгия вздрогнули, поднялись. Он с удивлением посмотрел на товарища, заметил звездолет и, недоумевая, оглянулся вокруг.

— Что это значит?

Ответа не было. Космонавты лежали в колоссальном помещении. Его прозрачный купол уходил ввысь по меньшей мере на полкилометра. Стены здания терялись в серебристом мареве. А прямо перед людьми торчал диковинный аппарат, очертаниями своими напомилавший срезанную сферу. Внутри аппарата, за его прозрачной оболочкой, дрожали фиолетовые спирали, а у основания поблескивали разноцветные огоньки. Верхушку сферы венчала параболическая антенна очень сложной конструкции.

За этим аппаратом тянулись рядами тысячи полусфер, точь-в-точь таких же, как на той планете, где в борьбе с чудовищными машинами погибли пять их товарищей и только чудом спасся Джон-Эй.

— Копия тех же машин, — прошептал Георгий. — Здесь, несомненно, какая-то связь. Но должна же быть и разумная сила, которая создает эти чудовища?

Как бы отвечая на высказанную Георгием мысль, разноцветные огоньки у основания большой сферы вспыхнули ярче, и космонавты почувствовали, как безжалостная рука, проникая под черепную коробку, ворошит мозг холодными щупальцами. Это было ужасное, ни с чем не сравнимое ощущение. Георгию показалось, что в одно мгновение перед ним промелькнула вся его жизнь, все, что он пережил в детстве, юности и зрелом возрасте. Затем хаос видений исчез, затуманился. Чужая властная воля подняла людей с пола, поставила на ноги.

Все было, как и раньше — прозрачный купол, яркое голубое солнце, звездолет и ряды неподвижных машин, — но что-то произошло. В большой сфере прекратилось мерцание спиралей, открылось черное от-

верстие, и раздался голос, сухой, металлический. Он произнес на земном языке:

— Кто вы?

Люди онемели от неожиданности. То, что машина говорила, не было чудом, через нее могли обращаться к ним разумные существа. Но откуда чудовище знает язык Земли? В сознании Георгия зародилось неясное предположение. Но не успело оно созреть, как послышался новый требовательный вопрос:

— Кто вы? Вот ты, чье имя на твоём языке Георгий. Отвечай.

— Кто спрашивает нас? — в свою очередь, спросил Георгий, придя в себя после первого замешательства. — Почему хозяйка планеты скрывается от нас?

— Я говорю с вами, я, который стоит перед вами! — вновь донеслось из пасти аппарата. — Отвечайте: кто вы?

— Мы люди, — резко сказал командир. — Если вы понимаете наш язык, то поймете, что это значит!

— Люди? — холодно переспросила машина. — Вы похожи на идею, породившую меня.

— Какую идею? — удивился Джон-Эй.

— Вот она, смотрите.

С верхушки шара ударил тонкий луч, упавший на прозрачный, переливавшийся мягкими оттенками бледно-зеленый купол, который был расположен в углублении, метров за тридцать от них. За стенами купола на черном пьедестале в немом напряженном ожидании застыла фигура женщины тонкой, одухотворенной красоты. Изящную головку обрамляли пышные золотистые волосы.

— Женщина, настоящая женщина Земли! — прошептал Джон-Эй. — Какое-то наваждение...

— Что все это значит? — воскликнул потрясенный Георгий. — Почему женщина называется идеей? Кто говорит с нами? Где мы?

— Слишком много вопросов, — нетерпеливо ответила машина. — Вы не научились экономить мысль. Я бы и не ответил вам, ничтожные порождения чуждого мира, но мне скучно. Я приглашаю вас к себе.

Георгий протер глаза. Нет, это не сон. Бредовый мир действительно существует.

Вот к людям подплыли две грибоподобные машины, выпустили щупальца, подхватили ими беспомощных космонавтов и через несколько секунд доставили в про-

сторный подземный зал, залитый приятным зеленым светом. Машины исчезли. Вокруг росли диковинные бледно-розовые деревья, распространявшие удушливый аромат, напоминавший запах каких-то ягод. Глубоко вдохнув этот воздух, Джон-Эй закашлялся.

— Такое впечатление, — пробормотал он, — будто меня окунули в густой, липкий сироп...

— Тише! — прошептал Георгий. — Здесь кто-то есть.

В конце длинного прохода, между рядами растений, космонавты заметили нечто вроде трона. На нем кто-то зашевелился, и послышался громкий голос:

— Подойдите сюда!

— Наконец-то! — обрадовался Георгий. — Наконец-то увидим если не человека, то, по крайней мере, разумное существо!

— Не спешите радоваться, — угрюмо заметил Джон-Эй.

Они приблизились к трону, с любопытством разглядывая того, кто на нем восседал. Это был человек иного мира, настоящий человек, но крайне отвратительной внешности, вызывавшей чувство брезгливости. Из-под широкого цветистого покрывала выглядывало коричневое морщинистое лицо. На нем уродливо выделялся крючковатый нос, подслеповатые глаза. По сторонам поблескивали пульта сложного агрегатов. Иссохшая рука уроды лежала на диске с многочисленными непонятными знаками. Маленькие, слезливые глаза долго смотрели на космонавтов. Георгий тяжело вздохнул. Что за кошмар?

Но вот уродец зашевелился. Открыл рот. И снова послышался могучий, металлический голос:

— Вы хотели знать, где находитесь?

Люди недоумевали. Неужели этот урод обладает таким высоким, чистым голосом? Но потом они поняли, что его речь может трансформироваться в переводных машинах.

— Да, мы желаем знать все, — твердо ответил Георгий. — Кто вы? И куда мы попали?

Послышался неприятный звук. Казалось, урод смеется. Его веки подымались и снова опускались. Из-под них выкатилась мутная слеза. Наконец раздался тот же мощный голос:

— Скажу. Все скажу. Вы — в центре мироздания. Я — его хозяин. Я и мой железный диктатор, которого вы видели. Он говорит лишнее, его когда-то наделили некоторыми совсем ненужными качествами, но свои обязанности, мою волю он выполняет четко и безошибочно. Так вот. Когда-то на этой планете тоже бурлила никчемная жизнь. Борьба, мечты, стремления, поиски истины. Это был мир хаотических идей. А я — я понял единственно верный путь. Женщина, которую вы видели, выступила против меня. Но я победил. Я и мои друзья. Мы передали функции центрального управления планетой железному диктатору, наделив его способностями мыслить. И я стал выше всех. Я понял, что, по неизменному закону бесконечности, развитие всего сущего так или иначе должно прийти к машинам. На смену смертным существам — мелочным, непоследовательным и вздорным — придут мыслящие аппараты — бессмертные, с железной логикой, с безошибочной реакцией, — придут и покорают весь мир!

— Но ты ведь не машина! — резко перебил его Джон-Эй. — Ты ведь умрешь!

Урод разинул свой кривой, беззубый рот и исторг несколько неприятных гортанных звуков, выразивших, видимо, веселый смех.

— Нет! Я не умру! Я бессмертен. Я и диктатор, мой верный слуга. Став хозяином планеты, я направил его разум во все концы пространства. Я уничтожу жизнь во всей Галактике, а затем перейду к другим мирам. Посмотрите на эту планету! Здесь царит только механический разум. Никакой борьбы, только точное выполнение моих велений! Я оставил в живых одно существо — женщину, которая создала диктатора. Она — олицетворение идеи, создавшей высшую форму разума, подчиняющегося истинной рациональности: истреблению призрачной биологической жизни. И, когда весь бесконечный Космос будет в моих руках, под моей пятой, я швырну эту бесконечность к ногам идеи... Да! Она не понимала этого... Но я докажу ей...

В голосе урода зазвучали нотки горечи. Он опустил трясущуюся голову на грудь, тяжело вздохнул. Георгий, пользуясь паузой, удивленно спросил:

— Но мир ведь бесконечен, следовательно, ты никогда не достигнешь своей цели!

Урод с презрением посмотрел на космонавта.

— Что ты знаешь о бесконечности? В моем распоряжении неограниченные возможности. Ты говорил о смерти? Для меня ее нет. Да, тело мое истлеет, но воля моя, желания мои воплотятся в диктаторе! Ха-ха! А захочу — он воссоздаст меня! Ты видел, как легко я притянул к планете твой звездолет, как уничтожил на границах Системы твой экипаж, как мгновенно изучил твой мозг и все его содержимое! Что, я вижу, — ты сомневаешься? Так знай же: и ты будешь стоять рядом с этой женщиной-идеей. Ты будешь стоять до тех пор, пока не исполнится моя воля, пока не будет уничтожена жизнь во всей Вселенной. Ха-ха! Мое могущество необъятно! Хотите, я вам это докажу. Посмотрите, а затем свершится то, что я сказал...

Пораженные космонавты не смогли вымолвить ни слова. Да и времени для этого не было. Сзади появилась грибообразная машина. Она приблизилась к людям, остановилась над ними и выпустила свои щупальца-руки...

Бой в воздухе

Щупальца схватили людей, подняли в воздух. Космонавты почувствовали, как могучая сила стремительно уносит их из подземелья. Мелькнули ряды растений... машины, огромный горб железного диктатора. Вот уже гигантский ангар внизу. Впереди засверкало необъятное пространство неба.

Машина вынесла людей под открытое небо. Они сидели в каких-то креслах, поддерживаемые щупальцами. Внизу мелькали сферические и шарообразные строения. Под прозрачными покрытиями этих своеобразных помещений виднелись ряды станков, машин, аппаратов. Вокруг расстилались пески пустыни, обугленные пни деревьев, занесенные пылью развалины.

— Сплошная пустыня, — прошептал Джон-Эй. — Ни одного деревца! Но куда же несет нас эта железная скотина?

— Ты же слышал, — горько ответил Георгий. — Этот маньяк показывает нам свое могущество:

— Как здешние носители разума могли докатиться до такого вырождения? — возмутился штурман.

— Так может случиться повсюду. И это меня больше всего угнетает. Я не задумываясь отдал бы жизнь ради того, чтобы передать о случившемся на Землю.

— На Землю?

— Да... Диктатор, несомненно, могуч, но разум у него односторонний, и человечество безусловно могло бы уничтожить его страшную силу.

Ряды строений кончились, внизу расстилась мрачная пустыня, а вддали показались горы. Над самой высокой вершиной гор вздымалась колоссальная решетчатая башня, увенчанная рефлектором. Полу-сфера снизилась и полетела над полувысохшей речкой, заросшей жалкой бледно-розовой растительностью.

Вдруг Джон-Эй толкнул товарища. Георгий посмотрел на него. Штурман показывал на небольшую антенну машины, которая неизменно была направлена в одну сторону. Менялся курс грибообразного механизма, и тут же автоматически восстанавливалось направление антенны.

— Это не случайно, — сказал штурман. — Совершенно очевидно, что антенна связывает нашу машину с диктатором. Надо сорвать антенну, и мы избавимся от диктатора.

— Но что же можем мы сделать голыми руками?

— Все равно, надо попытаться. Двум смертям не бывать, одной не миновать.

Глаза командира загорелись решимостью. Будь что будет!

Внизу поплыли полосы фиолетовых мхов, появились старинные развалины, заросшие ползучими растениями. Космонавты переглянулись и мгновенно бросились на антенну. Она зашаталась под усилиями людей. Георгий ощутил, как мощный разряд парализует его руки, затуманивает сознание.

— А-а-а! — дико вскричал Джон-Эй, остервенело ломая непрочную конструкцию антенны.

Машина неуверенно закружилась над красными барханами, снова выровнялась.

Проклиная все на свете, Георгий вложив в рывок последние силы и почувствовав, как вместе с обломками антенны и потерявшей управление машиной полетел вниз.

Сознание работало четко. Удар — и тело, скользя по склону бархана, покати-лось в ложбину. Поднялась туча пыли, пе-

сок забил ему рот. Кашляя и отплевываясь, Георгий с трудом поднялся на ноги, оглянулся.

Джон-Эй! Что с ним? Вот он, недалеко, и обезоруженная машина рядом с ним. Превозмогая боль в спине и ногах, командир бросился к товарищу. Джон-Эй не шевелился. Георгий прижался ухом к его груди — сердце штурмана билось. «Жив!» — облегченно вздохнул он. Но лицо космонавта посинело, а на виске темнело багровое пятно.

Георгий подбежал к протекавшему рядом ручейку. Спустился по каменистому берегу к блестящей зеленоватой воде и жадно припал к ней. Вода была холодная и приятная на вкус. Георгий намочил куртку, сорвал широкий алый листок какого-то неизвестного ему растения, свернул его воронкой и набрал воды. С этой драгоценной ношей он вернулся к товарищу, влил ему в рот освежающую жидкость, приложил мокрый рукав ко лбу. Эта операция отняла у него последние силы, и он тут же свалился рядом с товарищем.

Закрыв глаза. В висках стучала кровь, в голове шумело и толпились хаотичные мысли. Вокруг чуждый мир, чужая планета, машины и ни одного живого существа. Бледное небо и ослепительное солнце. Когда же кончится этот тяжелый кошмар?

Шелест ветра нарушил тишину. С вершины бархана посыпался песок, зашуршал. Больно впился в тело толстый белый листок с шипами. Георгий открыл глаза, посмотрел на Джон-Эя. Товарищ дышал глубже, на лице появился румянец. Надо уходить, не то их настигнет погоня, которую урод не замедлит выслать.

Он затормозил штурмана:

— Джон-Эй! Вставай! Слышишь?

Штурман открыл глаза, застонал. Увидев Георгия, болезненно улыбнулся:

— Живы?

— Живы, друг. Надо уходить!

— Да, понимаю... Помоги мне.

Георгий подхватил товарища, помог ему встать. По дну овражка, не подымаясь на барханы, космонавты побрели к развалинам. Здесь, среди руин, в поисках укрытия, они наткнулись на темно-зеленую стену какого-то ромбического сооружения. У основания стены зияла большая дыра. Все вокруг было покрыто мхом и травой светлых тонов. Космонавты осторожно пролезли в дыру. На черном полу виднелись

островки рыжего песка. В промежутках, там, где пол не был покрыт песком, можно было заметить тонкий узор. Тут царил полумрак, ощущалось дыхание прохлады.

Георгий сел на обломок стены.

— Ну, что будем делать, штурман?

— Бороться! — твердо ответил Джон-Эй.

— Бороться? Как?

— Не знаю. Надо подумать. Может быть, нам удастся забраться в ангар диктатора... Может быть...

Он не успел договорить. Снаружи слышался пронзительный свист. Штурман побледнел.

— Что это? — прошептал Георгий.

— Они... Погоня...

В провалах стен промелькнули сверкающие полусферы. Георгий схватил товарища за руку и устремился в глубь помещения. Там они замерли, обессиленные, уставшие, беспомощные, лишенные малейшей надежды на спасение. Сейчас полусферы нащупают их локаторами — и тогда опять плен...

Вдруг часть стены, к которой они прижались, сдвинулась в сторону, за нею открылось черное отверстие. Несколько человекоподобных существ, вынырнувших из-под земли, схватили людей и потащили их вниз. Стена вернулась на прежнее место, закрыв отверстие. Стало темно. А неизвестные существа молча, мягко, но властно повели Георгия и Джон-Эя по невидимым переходам куда-то в глубь планеты...

Неожиданные союзники

Впереди посветлело. Темная пещера перешла в широкий коридор. К потолку коридора были подвешены голубые шары, из которых струился мягкий свет. Космонавтов окружила толпа настоящих людей, высоких, могучего сложения, с красивыми лицами смугло-розового цвета.

— Они похожи на женщину под куполом, — прошептал Джон-Эй.

— Они принадлежат к одной расе, — ответил командир. — Но я не могу понять, что здесь происходит. Люди под землей. Значит, они скрываются от диктатора. Посмотри, друг... здесь есть освещение, следовательно, и техника...

Джон-Эй не успел ответить. Один из тех, кто привел их в подземелье, молодой,

высокий, с приветливым лицом, поклонившись, указал им на боковой вход. В его ясных глазах светилась тревога и в то же время удивление. Толпа с интересом рассматривала пришельцев, живо переговариваясь на музыкальном, звонком языке. Космонавты последовали за проводником и очутились в большом помещении. Половину его занимало какое-то оборудование, покрытое прозрачными куполами. Стены и пол были черные. С потолка струился неяркий свет.

В конце зала их встретил согбенный старик. Он стоял возле стола, заваленного чертежами, и с удивлением смотрел на прибывших. Морщинистое лицо старика указывало на его почтенный возраст, но взор сиял молодостью и энергией.

Старик произнес несколько слов. Проводник подал пришельцам стулья — низенькие, глубокие. Георгий и Джон-Эй сели, переглянулись.

— Кто он? — вырвалось у Джон-Эя. — Ученый, вождь или правитель?..

Георгий молчал. Старик ткнул себя пальцем в грудь, и с уст его слетела серебристая фраза:

— Ио-тинаас. Ио.

— Ио — это, видимо, его имя, — сказал Георгий, обращаясь к Джон-Эю.

Старик обрадованно закивал головой, притронулся к каждому из гостей и вопросительно на них посмотрел.

Космонавты назвали свои имена. Ио очень старательно повторил их, прислушиваясь к звучанию чужих слов. Затем, не поворачиваясь, потянулся к маленькому пульта, нажал на кнопку. Свет погас. Влево от космонавтов загорелся розовый прямоугольник. На нем появилось изображение планеты, плывущей в пространстве, среди звезд. Ио указал на планету и произнес:

— Лоо-праа.

Планету сменила голубая звезда. Ио указал на нее и сказал:

— Си-нее.

Показав таким образом несколько изображений и назвав их на своем языке, он повторил демонстрацию тех же изображений и ткнул пальцем в грудь Георгия.

— Он просит, чтобы ты назвал эти изображения на нашем языке, — заметил Джон-Эй. — Но зачем это ему?

— Они наши союзники, — возразил Георгий. — Чем скорее мы пойдем друг друга, тем лучше...

Ио ждал, пока гости поговорят. Но вот Георгий повернулся к экрану и начал называть появлявшиеся на нем предметы. Так продолжалось долго. Георгия сменил Джон-Эй. А старый Ио просил людей Земли называть всё новые и новые понятия, неутомимо показывая им сотни и сотни различных предметов, рисунков, изображений. Наконец космонавты так устали, что уже не в силах были говорить. Страшная сонливость навалилась на них, смыкая глаза. Ио заметил это и погасил свет.

В наступившей темноте люди Земли мгновенно уснули...

Очнувшись они в тех же креслах. Голубой свет лился отовсюду. Перед ними сидел Ио и ласково улыбался. На маленьком столике стояли две черные тарелки с какими-то желтыми продолговатыми плодами, похожими на аккуратно нарезанные ломти ноздреватого сыра.

— Что это? — удивился Джон-Эй.

— Вероятно, еда, — сказал Георгий, понюхав. — Пахнет приятно. Во всяком случае, отказываться не следует...

Они жадно принялись за еду. Пища оказалась очень вкусной и сытной. Космонавты тут же ощутили ее благотворное воздействие — прояснилось сознание, во всем теле появилась бодрость. Подкрепившись, люди Земли вопросительно посмотрели на Ио. Старик улыбнулся, включил какой-то аппарат и продиктовал несколько слов. Из динамика, рядом с космонавтами, прозвучали земные слова, правда с необычным акцентом.

— Привет вам, братья...

Космонавты не удивились. Они поняли, что Ио специально записывал земные понятия, чтобы разговаривать с помощью переводных машин. Они ответили старику приветствием, поблагодарили за спасение.

— Кто вы, братья? — спросил Ио. — С какой планеты?

— Планеты? — усмехнулся Георгий. — Мы с иной Галактики.

Старик застыл, пораженный.

— Вы храбрые люди, — промолвил он. — Преодолеть звездную бездну ради знания! Это поразительно. Но что же случилось с вами? Где ваш звездолет?

— Там. В сооружении диктатора, — угрюмо ответил Георгий.

— Я так и подумал, — склонил голову старик. — Мы тоже жертвы железного диктатора.

— Но ведь ваша раса создала его! — резко воскликнул Джон-Эй. — И теперь целый мир уничтожен этим чудовищем!

Георгий бросил на товарища укоризненный взгляд. Но Ио не обиделся. Грустно посмотрев на гостей, он сказал:

— Это верно. Я отчасти тоже виноват. Я помогал конструктору этой дьявольской машины...

— Конструктор — женщина? — живо спросил Георгий.

— Да, — с удивлением ответил Ио. — Но откуда это вам известно?

— Мы видели ее...

— Где?

— В помещении диктатора...

Георгий рассказал обо всем, что произошло с ними. О полете между галактиками, о битве на сожженной планете, о живом извятии, очевидно, усыпленной женщины, которую они увидели на пьедестале под куполом в помещении диктатора, о разговоре с чудовищным маньяком.

Старый ученый, выслушав рассказ Георгия, закрыл руками лицо и заплакал. Люди с Земли с волнением смотрели на него.

— Простите мою слабость. Старость... вот и не выдержал. Эта женщина — мой учитель. Ее имя Сиой, что значит Заря... Она была самым выдающимся ученым нашей системы. Все одиннадцать населенных планет голубого солнца преклонялись перед ее умом. Человек, которого вы видели, — Ро, был помощником Сиой. Но вот что произошло с нею и со всеми нами. Это случилось девяносто лет назад...

Космонавты затаив дыхание слушали страшную повесть о судьбе гигантской системы. Все в этом рассказе было невероятно, противоестественно. Беда свалилась на людей неожиданно. Сиой сконструировала центр управления автоматикой планеты. Это была сложная квантовая машина, наделенная зачатками механического мышления. Благодаря конструкции Сиой обитатели этого мира освободились от трудоемкой умственной работы, как считали — выходили на светлую дорогу прогресса. И вот Ро предложил Сиой передать машине все функции мышления. Он утверждал, что после этого наступит золотой век, тысячелетия отдыха. Сиой была против опасного проекта. Она считала, что величайшая радость для человека — это мы-

шление, возможность мечтать и осуществлять свои мечты. Тогда Ро пошел на преступление. С группой ученых, его единомышленников, он самовольно изменил конструкцию управляющего центра, придав ему функции универсального мышления. Машине были подчинены вся индустрия и энергетика планеты.

Сиой обратилась к общественности мира. Объединение народов потребовало отстранения Ро от работ в области автоматике. Но... тут-то и произошло самое страшное. Ро пустил в ход огромную армию универсальных полусфер — машин, подчиненных агрегату управления. Человечество было уничтожено. Только небольшая часть ушла под землю. Ро и его единомышленники стали властителями мира. Так появился диктатор.

— Постепенно каста властителей выродилась. Безделье, разврат, никчемная жизнь привели их к гибели. Теперь в живых остался один лишь Ро, которого вы видели. И еще... Сиой. Бедная Сиой! Я знаю, Ро любил ее... Поэтому она сохранена в состоянии анабиоза. Весь мир пал перед волей проклятой машины!..

— Не весь, — возразил Георгий. — Разве мы прилетели не из свободной Галактики?

— Но что вы можете сделать? — покачал головой Ио. — Своей планете сообщить ничего не сможете, сами же беспомощны...

— Но почему вы ничего не делаете? Разве вы совсем безоружны! Я вижу, у вас аппараты, электричество... У вас есть энергия и знание!

Ио поднял руку, тихо ответил:

— Не все сразу. Мы давно готовимся к борьбе. Но для этого нужны сотни лет. Мы не имеем права повторять ошибки...

— Но ведь вы умрете раньше, чем это случится! И не только вы, а и все, кто живет здесь!

— Пусть, — спокойно ответил старик, — зато наши потомки будут свободны.

— Сотни лет! — угрюмо произнес Джон-Эй. — Нам тоже придется сгинуть в этих пещерах... А тем временем железное чудовище уничтожит еще множество миров...

— Не о нас речь, — сурово прервал Георгий. — Главное — сообщить на Землю. Мы обязаны вернуться туда живыми или мертвыми... — Глядя в лицо старику, ко-

мандир спросил: — Неужели не найдутся смельчаки... чтобы попытаться сейчас?

Ио с удивлением поднял взор на человека Земли, увидел отважный блеск его синих глаз. Уверенная сила человека Земли, его мужество поколебали старика, заставили задуматься. Он долго молчал, наконец произнес:

— Я догадываюсь, о чем ты думаешь, пришелец. Тебе нужно улететь на родину. Ну что ж, попробуем тебе помочь. Для этого необходимо одновременно уничтожить несколько энергетических антенн в горах Вио-литта, которые являются главными источниками энергии диктатора. Это выведет его из строя, хотя бы на короткий срок. Без приказов диктатора машины мертвы, неподвижны. Вы тем временем успели бы стартовать, если, разумеется, сумеете в нужный момент пробраться в ангар...

Космонавты торжественно переглянулись. Джон-Эй в порыве радости крепко пожал старику руку. Ио грустно, ласково кивнул:

— Не надо благодарности. Еще ничего не сделано.

Он поднялся с кресла, открыл дверь и кого-то позвал. В зал вошли трое юношей. Голубая одежда плотно облегалась их стройные, прекрасные тела. Они сдержанно поклонились гостям, подошли к Ио и остановились перед ним.

— Сыны мои, — тихо начал старик, — вы не знаете, не видели того прекрасного мира, который расцветал здесь до вашего рождения. Вы родились в мрачных подземельях, под гнетом страшного диктатора. Но такая жизнь недостойна человека. Мы готовимся к борьбе за выход к свету. Но к нам попали друзья из далекого мира. Они должны улететь на родину, чтобы сообщить страшную весть своим мирам. Мы обязаны им помочь. Нужны храбрые и мужественные сердца. Быть может, нам удастся и сейчас... Кто знает? И тогда, сыны мои... дети наши будут рождаться под благословенным голубым солнцем, а не в темных пещерах, где тяжело дышать...

Высокий плечистый юноша выступил вперед. Огненные волосы осеняли его открытое лицо, горячие черные глаза метали молнии. Он сказал:

— Отец! Что надо делать и когда? Мы готовы...

.

Космонавты пробирались глубокими ущельями к резиденции диктатора. Их вел юноша, один из сыновей Ио. Другие уже, наверное, находились в горах Вио-литта, пробираясь к антеннам. В точно назначенный час, когда на небе появится диск спутника планеты Мани-оо, они взорвут энергетические башни, а проводник людей Земли разрушит часть покрытия в ангаре диктатора. Георгий и Джон-Эй проберутся в это время к звездолету, а если обстановка позволит, то уничтожат и самого диктатора.

Ярко сияли звезды на красноватом небе, призрачные тени людей мелькали в песчаных барханах. Где-то вдали мигали лучи света. Там, вероятно, работали какие-то агрегаты.

Наконец юноша остановился. Космонавты увидели прозрачную крышу ангара, где находился диктатор. Юноша приткнулся к земле и знаком показал космонавтам, что и им следует лечь. Они ползли между скалами, осторожно передвигая впереди себя цилиндр со взрывчаткой.

Недалеко от ангара юноша протянул руки в сторону людей Земли и что-то тихо произнес, сделав прощальный жест рукой.

— Имя? Как звать тебя? — прошептал Джон-Эй.

Юноша недоумевающе пожал плечами и беспомощно развел руки.

— Ты забыл, что здесь нет переводной машины, — заметил Георгий.

Юноша исчез между скалами. На горизонте посветлело. По небу поплыли серебристые облака. Затем выкатился огромный бледно-зеленый диск Мани-оо, спутника планеты. Сердца людей забились сильнее.

В то же мгновение глухой взрыв потряс почву. Яркое сияние озарило небосвод и тут же погасло. Темная туча набежала на диск Мани-оо, закрыла его.

Георгий судорожно сжал руку Джон-Эя. Недалеко грохнул другой взрыв, после которого на землю обрушился каменный дождь. Космонавты вскочили на ноги и стремительно бросились к ангару. Навстречу им полз, извиваясь в пыли, юноша. Лицо его было в крови, глаза закрывались. Он что-то сказал на своем певучем языке и, повелительно указав на ангар, рухнул на землю.

— Прощай, друг, — тихо сказал Джон-Эй, и они устремились к пробоине, которая темнела в стене сооружения.

Вбежав в помещение, они в свете звезд увидели силуэт «Разума», окруженный рядами машин, горб диктатора. В ангаре царила мертвая тишина.

— Скорее взрывчатку! — крикнул Георгий. — Пока нет энергии, все эти адские машины не страшны!

Космонавты подбежали к диктатору, готовясь взорвать его. Но вдруг вспыхнуло пламя, озарившее помещение ярким светом, на антенне диктатора засверкали искры, его оболочка заиграла разноцветными огоньками. Люди застыли — парализованные, безвольные. Туман надвинулся на них, и они, потеряв сознание, провалились в бездну.

Когда очнулись, помещение заливал свет яркого дня. Перед космонавтами по-прежнему торчал зловещий шар диктатора, окруженный бесчисленными рядами механических слуг.

— Вот и все, — еле слышно прошептал Джон-Эй.

Рядом с диктатором что-то зашевелилось. От него отделилась и направилась к ним горбатая фигура Ро. Черный рот урода растянулся в торжествующую улыбку. Затем из перекосившейся пасти проскрежетали слова:

— С кем пытались вы бороться, безумцы? Смотрите!

Яркий свет дня погас, и перед космонавтами возникла широкая панорама страшного мира машин. Автоматы добывали в подземельях руду, из которой тут же выплавлялся металл, автоматы изготавливали всевозможные детали, конструировали новые машины, новые образцы смертоносного оружия, управляли энергетическими станциями. Без конца автоматы, автоматы, автоматы! И все они подчинялись единой воле — приказам железного диктатора, действовавшего по программе, которую задавал ему Ро. Космонавты увидели, как полчища чудовищных боевых машин отправлялись на звездолетах, во многом превосходивших по совершенству все известные системы, в космические просторы, обрушивались на планеты и жестоко, бессмысленно, методично сметали все на своем пути. И повсюду эти армии сопровождала и направляла холодная, неумолимая воля диктатора.

Георгий застонал. Так вот что ждет планеты во всей Вселенной! Вот какое будущее готовит им диктатор! Ни одного живого существа, ни единого кустика или травки! Только машины, только автотоматы!

И снова вспыхнул свет дня.

«Наверное, чудесным был этот мир до воцарения здесь машин», — подумал с тоской Георгий. Его мысли прервал холодный голос Ро:

— Довольно. Надеюсь, вы уже убедились, сколь бессмысленно бороться со мною. А теперь для тебя исчезнет настоящее. Ты восстанешь в мире грядущего только тогда, когда вся Вселенная падет к моим ногам!

Джон-Эй с ужасом увидел, как из глубины помещения поднялись в воздух два аппарата угловатой формы, подплыли к Георгию. Командир успел только протянуть руки к другу, крикнуть:

— Прощай, Джон-Эй!

Механические руки подняли его в воздух, понесли к прозрачному колпаку, под которым на пьедестале стояла золотоволосая женщина, и опустили рядом с нею. Глаза Георгия еще были открыты, но он уже не шевелился. Космонавт застыл с выражением немного укора во взгляде, устремленном вдаль, к сияющему голубому солнцу.

— А тебя, имя которого Джон-Эй, — сказал Ро, — я не уничтожу. Нет! Тебя я отпущу в Космос.

Штурман, как в забытьи, смотрел на Георгия, не мог оторвать от него глаз. Объятый ужасом, он не то не понял, не то не расслышал, что ему сказал Ро. Джон-Эй медленно повернул голову в сторону урода и взглядом, полным ненависти, окинул чудовище...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОДИН СРЕДИ ЗВЕЗД

Посланец в бесконечность

Перед глазами Джон-Эя поплыли разноцветные круги, как бы издали до него доносились жесткие, замораживающие разум слова Ро:

— Я дарю тебе жизнь, жалкий микроб! Вот твой звездолет — лети к себе домой, если сможешь! И пусть вместе с тобою летит весть о том, что во все концы Вселенной придет воля всемогущего диктатора. Не нужны будут знания, законы, интеллект. На смену всему придет мир бессмертных машин, подчиняющихся чистому разуму! Иди и помни, что я сказал!

Проговорив это, Ро исчез. Вновь заструилось сияние фиолетовых спиралей. Джон-Эй беспомощно оглянулся. Увидел звездолет. Ему разрешено улететь? Он ничего не понимал. Джон-Эй попытался было направиться к «Разуму», но ноги не повиновались. К нему подплыли машины, те, которые унесли Георгия, подхватили под руки и потащили к звездолету. Скорее! Пусть скорее кончается кошмар! Нет, это не кошмар! Джон-Эй явственно ощущал прикосновение механических рук. Штурман повернул голову в сторону Георгия, который неподвижно стоял рядом с прекрасной женщиной — творцом железного диктатора. Прощай, друг! Прощай, командир!

Машины бросили Джон-Эя в люк звездолета, вернулись на место. Люк автоматически закрылся. И тогда ярость закипела в сердце космонавта. Он быстро поднялся в кабину управления, бросился к пульту. Сейчас — возмездие! Он уничтожит излучением проклятого диктатора, чудовище Ро, все это скопище машин!

Джон-Эй включил экраны обзора. Но что это? Вокруг звездное небо, планета далеко внизу, и даже голубая звезда — солнце Системы — быстро удаляется, тает во мраке Космоса. Что это значит? Ведь двигатели не включены! Но тут же в перископах появились какие-то летательные аппараты, которые отваливали от корпуса «Разума». Джон-Эй понял все. Ро предусмотрительно удалил звездолет из пределов своей планеты. Это сделали его слуги — летательные аппараты.

Внезапно штурмана сковало состояние прострации. Почти ничего не осознавая, он потянулся к пульту. Звездолет задрожал — в бешеном ритме заработали двигатели...

Бездна

Уходили секунды, годы, столетия. Для бесконечности это не имело никакого значения. Где-то во Вселенной летел ко-

рабль — металлическая коробка с полумертвым человеком внутри. Загорались во мраке и снова угасали галактики — огромные звездные системы; на белых спиральных «Разума» мерцали лучи пролетающих звезд, таяли позади шлейфы гигантских газовых туманностей.

Так было долго, очень долго.

А Джон-Эй лежал неподвижно в кресле, склонившись на пульт. Глаза его были закрыты, челюсти крепко сжаты. Действительность проходила мимо сознания.

Но вот Джон-Эй раскрыл глаза. Долго не мог понять, где он. Недоумевающе смотрел на пустое место командира. Потом его взгляд упал на фотографии друзей на стене каюты. Ему показалось, что глаза Георгия сверкнули веселой улыбкой. И штурман вспомнил все... Вспомнил клятву, которую взял с него Георгий, когда их осталось двое, и это вдохнуло в него свежие силы.

Штурман посмотрел в перископы. Там плыла серая тьма. Значит, защитное поле включено? Кто же это сделал? Когда? Неужели он сам?

Джон-Эй дал задание роботам-помощникам снять защитное поле. В перископах засияли звезды. Они сливались в серебристый шар. Космонавт пристально разглядывал незнакомое расположение звезд. Это не родная Галактика! Куда же залетел «Разум»?

Штурман посмотрел на универсальный хронометр и ужаснулся. Корабль несется во Вселенной уже целых три часа по изолированному времени. Счетно-решающие машины, которые он включил, показали, что «Разум» пролетел не менее пяти миллионов световых лет! Куда же он забрел? Как найти путь назад?

Страх закрался в мужественное сердце Джон-Эя, сжал холодными клещами. Конец? Смерть? А может быть, это и есть смерть — бесконечный полет в металлическом гробу среди пустыни Вселенной?

Но нет! Прочь уныние, надо бороться. Надо во что бы то ни стало привести «Разум» в родную Систему, на любимую Землю. Он ведь не просто одинокий человек среди Космоса, — он посланец далекой отчизны в грядущее, он воин великой армии разума, выступающей против враждебных сил Вселенной!..

Штурман привел в действие все телескопические установки, анализаторы. Зара-

ботал автоматический центр звездолета, проверяя данные приборов информационного центра. Один ответ, второй, третий! Джон-Эй тревожно просматривает их. Нет! Ни одной знакомой Системы. В какую же даль он залетел? Где Галактика, из которой вылетела их экспедиция?

Джон-Эй бросился к памятным машинам, полагая, что они зафиксировали путь звездолета. Но и здесь его ожидало разочарование. Отправляя Джон-Эя в Космос, Ро предусмотрительно выключил памятные машины, и об этом пути не было никакой информации.

Космонавт в изнеможении опустил руки. Надо смотреть правде в глаза. Оптимизм не поможет. Он не в состоянии найти обратный путь! Он совершенно беспомощен!

Насмешливо сияли звезды впереди, еле заметно плыли в стороне туманности. «Разум» летел в неведомую даль.

Джон-Эй закрыл глаза. Надо сосредоточиться. Спокойствие и еще раз спокойствие! Спокойствие и выдержка! Впрочем, есть еще маленькая надежда. Надо попытаться отыскать во Вселенной разумные существа. Может быть, они ему помогут вернуться на Землю. Пусть на это уйдут десятки лет, вся жизнь, но «Разум» обязан прибыть в грядущее и передать потомкам бесценные знания, добытые экспедицией. Да, только так. Бросать оружие, пока оно способно действовать, — безумие. Пока мысль работает, пока жизнь теплится в теле, надо бороться.

Уже не колеблясь, штурман включил двигатели, задал программу автоматам. Звездолет послушно повернул назад по гигантской кривой. И снова защитное поле призрачной короной окружило «Разум», отрезая его от внешних воздействий.

Биллионы километров, световые годы поглощались звездолетом в стремительном темпе. Молниеносно пролетали мимо десятки галактик. Проходило время — часы и столетия. Джон-Эй выключал защитное поле, запуская аналитические установки, телескопы обзора, жадно просматривал ответы автоматов. Галактики не было. Она пропала в бездне Вселенной.

И снова тысячи, миллионы парсеков слепого полета. Снова страстное желание вернуться на родную, теплую, цветущую Землю. Снова неясные надежды и неутолимые поиски.

Но вот наступил критический момент, надвигалась новая беда. Анализатор показывал, что подходит к концу ядерное горючее в реакторе. Скоро прекратится работа всех узлов корабля. Остановится и двигательная система «Разума». А тогда возможен полет лишь по инерции.

Джон-Эй видел выход лишь в одном: надо найти планету в какой-либо Системе, посадить на нее звездолет и попробовать найти там руду актинидов. На «Разуме» есть обогатительная установка, и можно будет изготовить ядерное горючее. Но где найти такую планету?

Рядом была спиральная Галактика. Крайние звезды сияли на расстоянии десяти парсеков. Джон-Эй наугад избрал желтую звезду типа Солнца и решительно направил звездолет к чужой Системе.

Первобытный мир

Планета была единственной в Системе. Описывая спирали над нею, Джон-Эй гравиметодом определил ее массу. Она равнялась массе Земли.

Погасив скорость, звездолет вошел в простиравшийся над планетой облачный слой, густой и толстый. Это было опасно — нельзя выбрать удобное место для посадки.

Штурман включил инфракран. На нем поплыли размытые пятна озер, широких рек, лесов. Показался берег океана. Наконец корабль вышел из туч. В перископах открылась пестрая панорама планеты, изрезанной широкими и узкими, извилистыми реками, усеянной дремучими лесами, покрытой зелеными равнинами, морями, озерами, океанами.

Джон-Эй усилил разрешающую способность телескопов, пустил в ход роботов-помощников, пытаясь найти следы разумной жизни. Но «Разум» описал три спирали вокруг планеты, а таких следов не было. Девственные леса, стремительные нагромождения гор, необъятные просторы океанов. Где-то в стороне сверкнуло пламя взрыва, затем к небу взвился столб черного дыма. Анализатор показал, что это действующий вулкан.

Сердце Джон-Эя болезненно сжалось. На планете нет никаких признаков цивилизации, и никто ему тут не поможет. Надо возвращаться в пространство, искать новый мир. Искать? Нет, это невозможно!

Еще немного — и остановится реактор, прекратится работа двигателей, перестанут действовать автоматы.

Единственный выход — садиться! Но прежде надо попробовать в полете определить залежи актинидов и подвести корабль поближе к ним. Только так...

Джон-Эй включил радиометры. Чуткие приборы насторожились, зашевелили усиками-стрелками в ожидании сигналов с планеты. На восьмом витке спирали пришел успех. Приборы отметили огромный очаг гамма-радиации.

«Разум» летел со скоростью километра в секунду. Джон-Эй круто развернул его, затормозил, сделал огромный круг над пустынной равниной. Залежи актинидов были где-то в районе горного хребта. С одной стороны горы окаймляла желтая пустыня, с другой — темные массивы джунглей.

Джон-Эй наметил большую поляну километрах в трех от гор, где стремительно несла свои воды бурная река. «Разум», гремя двигателями, в вихре раскаленного воздуха пошел на посадку...

Звуки исчезли. Наступила давящая тишина: кровь стучала в висках. Джон-Эй встал, пошатываясь прошелся по каюте — тело, отвыкшее от ощущений нормального веса, с трудом сохраняло равновесие. Штурман прилег, закрыл глаза, пытается успокоиться, привести мысли в порядок.

Да, рассчитывать надо только на себя. Здесь никто не поможет. Сначала необходимо разведать местность, познакомиться с животным миром. Впрочем, животные, даже самые сильные, не страшны: излучатели уничтожат любого гиганта. А потом... потом поиски руды. Она где-то здесь, видимо, в районе скал. Если бы удалось! Тогда — снова полет, снова розыски потерянной Земли. Пусть все будет напрасно, пусть опять неудача, но все же стремление, полет, действие.

Джон-Эй встал. Отдыхать некогда. Надо действовать. Он быстро поел, включил анализаторы воздуха. Они показывали, что в атмосфере планеты имеется достаточно кислорода. Вредные газы не обнаруживались, опасные бактерии — тоже.

Надев теплый комбинезон и шлем, Джон-Эй двинулся к выходу. Подумав, он захватил ядерный излучатель и портативный пеленгатор. Включив автоматический пеленг, штурман спустился вниз. Со скрипом отворился люк. Густая струя воздуха

пахнула в лицо. От пьянящего запаха закружилась голова. Джон-Эй прислонился к стенке шлюза, постоял. Очнувшись, переступил через барьер входа.

Вокруг «Разума» темнел выжженный круг. Дальше всю опушку покрывала синеватая трава, жесткая, блестящая. Она выбрасывала желтые метелки. Кое-где виднелись большие алые цветы. Вдали темнел девственный лес. Деревья были тонкие, высокие, похожие на копья, вверху они заканчивались пучком широких листьев. Ниже все пространство заполняли приземистые растения с мясистыми листьями черно-зеленого цвета.

Опушка обрывалась над рекой. Вода клочотала на скалистых порогах. На другом берегу тоже темнел лес. Над ним нависли серые мрачные тучи. Ветра не было. Казалось, серое одеяло накрыло весь мир.

Джон-Эй подошел к обрыву, посмотрел на клочущие внизу воды реки. Из расщелины ближайшей скалы, пронзительно вскрикнув, выпорхнула странная голубая птица. Она низко пролетела над рекой, исчезла в лесу.

Примитивный мир. Животные низшей организации, девственные леса и скалы. Эта планета лишь недавно начала свое восхождение к свету. Надо полагаться только на себя...

Штурман повернулся и двинулся к «Разуму». За кораблем послышались непонятные звуки. Джон-Эй показалось, что он различает членораздельную речь. Какие-то фигуры зашевелились в кустах позади звездолета. Жестикуюлируя, они начали приближаться к Джон-Эю. Штурман нерешительно остановился. С кем он имеет дело?

Но вот живые создания подошли совсем близко. Уже можно было различать их очертания. Джон-Эй с радостью отметил, что это не животные. Они стояли во весь рост, на нижних конечностях, держа в передних какие-то предметы, и скорее напоминали первобытных людей, чем зверей. Правда, они отличались от человека современного вида, но по пропорциям тела были весьма сходны с ним. Не так ли выглядели неандертальцы или их далекие предки — питекантропы? Лоб у них был довольно высокий, огромные глаза смотрели на пришельца внимательно, настороженно. Полусогнутое тело, обросшее редкой голубой шерстью, и примитивная оде-

жда из листьев говорили о том, что путь этих созданий к человеку только начался.

Толпа расступилась. Из нее вышел гигантского роста самец. Он поднял дубинку и, напевая странную мелодию, закружился в бешеном танце, приближаясь с каждым кругом к космонавту.

С удивлением наблюдая за ним, Джон-Эй на всякий случай положил руку на ядерный излучатель...

Поиски горячего

Потанцевав вокруг Джон-Эя, дикарь упал на траву. Пока он пел, его сородичи подвывали на разные лады, подскакивая и приплясывая в такт своеобразной мелодии. Космонавт с тревогой отступил назад. Но, увидев, как дикарь, став на колени, благоговейно протягивает к нему руки, весело засмеялся. Так вот оно что! Эти безобидные создания, видимо, принимают его за бога, за посланца небес. Конечно, они видели прилет звездолета. Что ж, этим надо воспользоваться. Они безусловно тронут его и даже смогут помочь в розысках руды. Нужно только поближе с ними познакомиться, хоть бы для этого и понадобились месяцы. Ведь если он с их помощью найдет нужные руды, то затраты времени окупятся сторицей!

Большие круглые глаза дикаря встретились с глазами космонавта. Они светились восторгом, благоговением, покорностью. Джон-Эй внимательно вгляделся в лицо дикаря. Его поразило странное расположение органов обоняния. Отверстия проходили по сторонам большого рта, делая лицо уродливым и широким. Только глаза ничем не отличались от человеческих, они смотрели на мир пристально, внимательно, готовясь к борьбе с тайнами природы.

Джон-Эй поднял руку, показал на небо. Дикарь радостно закивал головой, что-то крикнул товарищам. Те поддержали его дружным воем. Штурман протянул руку к дубинке, которую держал самец. Тот с готовностью отдал небесному гостю свое оружие — суковатую палку черного дерева. Стало совершенно очевидно, что дикарь относится доверчиво к Джон-Эю. Можно было начинать налаживать отношения...

Прошло несколько недель. Джон-Эй познакомился с жизнью и бытом первобытного племени, изучил несложный язык дикарей. Они жили в пещерах между валунами, под корнями гигантских деревьев. Ели побеги болотных сочных растений, яйца птиц, мелких животных, плоды деревьев. Изредка им удавалось общими усилиями убить гоготу — неуклюжее исполняемое животное с острыми шипами. Мясо гоготы было нежным, вкусным, и его хватало для всех надолго.

Джон-Эй уже знал всех дикарей по именам. Великан самец был вожаком племени. Его распоряжения выполнялись всеми беспрекословно. Звали его Та-та. Он был довольно умен и сметлив. Через месяц Джон-Эй уже мог разговаривать с Та-та. Узнав, что дикари не умеют пользоваться огнем, космонавт решил приучить их к нему.

Наступили ясные, безоблачные дни. На фоне темно-синего неба ярко засиял небольшой диск желтого солнца.

В один из теплых вечеров Джон-Эй собрал дикарей на опушке леса и сказал им: — Я скоро уйду от вас.

— Почему так пожелал человек сверху? — удивился вождь.

— Так надо. Я вернусь туда, где родился.

— Ты родился на небе, человек сверху. Там всегда сияет солнце. Там много плодов и мяса гоготы...

— Нет, Та-та. Я родился в таком же мире, как и ваш, но...

Джон-Эй замолчал, увидев, как удивился Та-та. Разве примитивное развитие дикаря в состоянии охватить невероятные пространства Вселенной? Пусть думает как хочет!

Та-та с довольным видом засмеялся:

— Вот видишь, ты молчишь, человек сверху! Я сказал правду. Ты сын великого Солнца.

— Да, ты прав, я сын Солнца. И хочу оставить вам частицу его огня. Пусть он обогревает вас в туманные дни и темные ночи. Пусть он вам поможет смягчать сырое мясо и делать его вкусным...

— О чем ты говоришь, человек сверху? — не понял вождь.

— Смотри, — ответил Джон-Эй, вынимая зажигалку. — Собирайте сухие ветви, листья...

Та-та отдал приказание громким голосом. Дети и женщины рассыпались во все

стороны. Вскоре перед космонавтом лежала огромная куча хвороста. Джон-Эй торжественно посмотрел на вожака.

— Видите — сгущается мрак. Будет темно и холодно. А у меня есть кусочек Солнца. Я разгоню тьму и холод...

На зажигалке вспыхнул фитилек. Джон-Эй поджег хворост. Он загорелся ярким пламенем, осветил все вокруг. Послышались возгласы удивления и ужаса. Дикари разбежались, точно их ветром сдуло. Их испуганные лица выглядывали из-за стволов деревьев.

— Не бойтесь! — крикнул Джон-Эй. — Кусочек Солнца не кусается. Я дарю его вам!

Та-та первым вернулся к костру. Космонавт протянул руки над огнем, обогревая их, предложил Та-та сделать то же самое. Дикарь боязливо протянул руки над костром. Пламя оказалось вовсе не таким страшным, как он предполагал. Более того — оно приятно грело руки. Та-та довольно засмеялся и восхищенно крикнул:

— Тепло!

Наблюдавшие за вожаком дикари осмелели и подступили ближе. Один из них, самый старый, сказал:

— Мы уже видели такое. Небо гремело. Оттуда упал огненный шар, и лес загорелся. Было очень страшно. Многие убежали прочь...

— Этот огонь — ваш. Вы будете им сами управлять. Дадите пищи — он будет жить, не дадите — умрет...

Дикари весело засмеялись. Они расселись вокруг костра, с восхищением поглядывая на космонавта.

— Та-та, — сказал решительно Джон-Эй, — наступило время разлуки. Но перед этим мне надо побывать в долине, что в горах. Дай мне проводника.

Дикари начали живо обсуждать просьбу Джон-Эя. Потом Та-та торжественно поднял руку, приложил ее к груди.

— Мы готовы сделать для тебя все, что попросишь, человек сверху. Но в Ущелье смерти мы тебя не поведем.

— Ущелье смерти? — удивился Джон-Эй. — Почему ты его так называешь?

— Никто из тех, кто там побывает, не остается в живых. Мы считаем ущелье проклятым местом...

«Это безусловно действие актинидов!» — обрадовался Джон-Эй. Дикарям он громко сказал:

— Мне не страшно это ущелье. Ведь я человек сверху, сын Солнца.

Та-та торжественно протянул руки над огнем:

— Хорошо. Я покажу тебе Ущелье смерти, человек сверху...

Весело переключаясь, дикари приносили всё новые кучи хвороста. Костер пылал, разгоняя ночь, и туча насекомых кружилась над ним, сгорая и падая в огонь.

В круг вошла Ла-ла, дочь вожака. Она остановилась перед Джон-Эем, приложила ладони к щекам и запела низким, сильным голосом песню. Космонавт, разобрав слова песни, понял, что девушка поет о нем.

Удивительно! Невероятно... Не сон ли это? В черном небе пылают чужие созвездия, над головой шумят невиданные деревья, вокруг — волосатые фигуры дикарей. И, глядя темными круглыми глазами в даль небес, Ла-ла, девушка, одетая в шкуру диковинного зверя, слагала гимн космонавту Земли, принятому здесь как божество:

Благословенна земля наша,
Духи витают над нею...
Сын горячего Солнца,
Человек ясного неба
Пришел к нам...
Мы сидим среди леса
Возле кусочка Солнца
И греемся от него...
Это подарок духов,
Это подарок неба.
В темные ночи,
В хмурые дни
Нам он защитой будет...

Песня затихла. Скромно потупив взор, Ла-ла ожидала, что скажет Джон-Эй. Он ласково улыбнулся, похвалил ее. Девушка, смутившись, убежала к подругам. А космонавт, обращаясь к вожаку, твердо произнес:

— Итак, Та-та, завтра ты поведешь меня в Ущелье смерти...

Снова в пространство

Утром следующего дня, облачившись в защитный костюм и захватив контейнер, Джон-Эй вышел из корабля. Та-та и несколько дикарей ждали его у опушки леса. Узкими тропинками леса они повели космонавта к горам. Достигнув небольшого лесного ручейка, Та-та остановился.

— Ущелье смерти,— сказал он, показывая в сторону хребта, который синел между деревьями.— Дальше мы не пойдём...

— Хорошо,— согласился Джон-Эй.— Подождите меня здесь.

Он решительно двинулся дальше и пересек ручей. Там он выбрался на крутой берег, накинул капюшон с защитными очками и оглянулся.

Та-та и его спутники приветливо махали руками. Джон-Эй ответил им таким же жестом и зашагал к хребту. По мере того как он продвигался вперед, трава все больше редела, а затем совсем исчезла. Вокруг—никакой жизни. Все было мертво. Кое-где в расщелинах скал белели черепа и кости животных. Наконец Джон-Эй спустился в узкую ложбину, забитую хаотическим нагромождением гранитных глыб. Из-за горного хребта вошло солнце, и каменные глыбы заиграли разноцветными искрами. Хмурое ущелье превратилось в удивительный калейдоскоп. Казалось, природа собрала здесь богатейшую коллекцию различных минералов. И где-то среди них—нужные Джон-Эю актиниды.

Штурман открыл футляр анализатора, который висел у него на груди, и двинулся вдоль скалистой стены. Минут через пять прибор отметил наличие радиации. Стрелка анализатора резко заколебалась и остановилась, указывая острием в сторону огромной черной глыбы. В красноватой породе глыбы сверкали вкрапления минерала. Джон-Эй, волнуясь, вынул вибратор и отломил несколько кусков породы. На изломах вкрапления оказались металлом золотистого цвета. Это, конечно, радиоактивный элемент! В звездолете проверим. Но в удаче, кажется, уже не приходится сомневаться.

За полчаса Джон-Эй наполнил контейнер породой и двинулся назад, полный радужных надежд.

Анализ дал положительный результат. Вкрапления оказались одним из трансуранных элементов, неизвестных ученым Земли. Небольшая перестройка ядра в установке, звездолета давала прекрасное горючее для реактора.

Два дня Джон-Эй добывал руду. До ручья он наполненные ею контейнеры перетаскивал сам. А оттуда Та-та и еще несколько дикарей помогали ему доставлять их к звездолету.

И вот наступил день разлуки. Под вечер штурман сидел у костра и вновь слушал песни Ла-ла. Она пела, а ему вспомнились широкие улицы Космограда, просторы южных степей, леса Сибири, океаны, моря. Как он истосковался по ним, как хотелось ему найти потерянную Землю...

Прощаясь с Та-та, космонавт объяснил жожаку, как высекать искры из камней, как разводить костер.

— Ты вернешься к нам, человек сверху?— жалобно спросил Та-та.

— Не знаю,— ответил Джон-Эй, печально глядя на него.— Может быть, я и не вернусь, но другие гости с неба придут обязательно. Ваши дети и внуки увидят их. А затем и вы полетите к Солнцу, к звездам.

— И станем сынами Солнца?— обрадовался дикарь.

— Да, Та-та! Вы тоже будете сынами Солнца...

Миновала короткая ночь. Вошло солнце. Собравшись на опушке, дикари смотрели на невиданное зрелище. Посланец небес, человек сверху, подаривший им огонь, исчез в отверстии летающей пещеры.

Дикари ждали затаив дыхание. Вдруг среди ясного дня грянул гром. Вихрь горячего воздуха повалил Та-та и его соплеменников на траву. Звездолет взмыл вверх и растаял в синеве, возле солнца.

...На этот раз ему повезло. Уже через несколько дней видеолокаторы нащупали в бездне пространства крохотное пятнышко родной Галактики.

И снова корабль рассекал просторы Вселенной с такой скоростью, что полет квантов света казался передвижением черепяхи. Ничто не угрожало этому замечательному созданию человека. Гравитационные и магнитные поля расступались перед ним, гигантские туманности не влияли на его молниеносный полет...

Завещание Джон-Эя

Но вот опять навалилась беда. Иссякло антивещество. Исчезло защитное поле. «Разум» не мог больше лететь со сверхсветовой скоростью.

Джон-Эй был уверен в успешном завершении полета, и это его совершенно обес-

куражило. Он кинулся к приборам. Роботы-помощники показывали, что звездолет уже вошел в родную Галактику и находится на границах местной Системы. Но до Солнца еще оставалось около пятисот световых лет. Какая досада, какая неудача!

Штурман подсчитал скорость полета, запасы питания. Грозная неизбежность вставала перед ним. Даже по собственному времени звездолета ему оставалось лететь сто пятьдесят лет.

Джон-Эй уверен — автоматы точно приведут «Разум» на Землю. Страшно другое — долгие годы одиночества в Космосе, медленное угасание, а затем... металлический гроб будет нести его труп в бесконечности добрую сотню лет.

Зачем?..

В сознании штурмана всплыло лицо Георгия. Даже голос его послышался: «Наша смерть... смерть друзей... все это не должно быть напрасно...»

«Слышу, Георгий. Я сделаю все. Человечеству солнечной Системы достанутся добытые нами сокровища знания, оно узнает о грозной опасности в иной Галактике. Так надо — значит, так будет...»

Джон-Эй тщательно проверил курс, программы автоматов. Дал дублированные задания роботам-помощникам. Затем достал магнитные пленки, зарядил записывающие автоматы и, склонившись над микрофоном, начал диктовать свое завещание. Он рассказывал о путешествии к Большому Магелланову Облаку, о гибели друзей, о выдающихся открытиях экспедиции по исследованию Космоса и, наконец, о встрече с железным диктатором. Подумав, Джон-Эй закончил:

— Далекие братья! Мы выполнили долг человека до конца. Я сделал все, что мог, а теперь умираю. Не осуждайте меня за это. Очень страшно доживать в одиночестве долгие годы. Как хотелось увидеть ваш грядущий мир! Он, конечно, будет прекрасным, каким и должен быть мир людей-титанов. Я верю также, что вы поможете братьям в системе Большого Магелланова Облака, сражающимся с чудовищным миром автоматов — результатом вырождения разума. Не повторяйте ошибки того мира, не унижайте человеческий интеллект! Смысл жизни человека — в бесконечном совершенствовании разума! Что может быть прекраснее живой, горячей человеческой мысли — с ее ошибками и достиже-

ниями, с ее горем и радостью, с ее исканиями и борьбой? До встречи, далекие братья!..

Джон-Эй замолчал. Вздохнул глубоко, словно снимая с души какую-то тяжесть. Четкими движениями включил насосы. Воздух потянулся в отверстия фильтрационных агрегатов. Быстро понизилась температура. Руки и ноги парализовал холод. Мелькнула мысль: а может быть, не надо? С портрета сурово глядел Георгий, в его взоре был упрек.

Джон-Эй слабо улыбнулся, еле слышно прошептал:

— Прости, Георгий, я больше не могу...

Слабо шелкнули автоматы. В кабину ринулась струя инертного газа. Голова Джон-Эя упала на пульт. Он проваливался в черную бездну. Оттуда — последнее, что он мысленно видел, — летела ему навстречу окутанная белоснежными облаками Земля...

ЭПИЛОГ

Десять тысяч лет

Открытый гравилет плыл над Землей на восток. На нем в удобных креслах сидели Аэровел, Джон-Эй, Искра и Семоний. Руководитель Автоматического Центра стал после последних событий ярым приверженцем старейшего ученого. Рассказ Джон-Эя, записанный автоматами и воспроизведенный в совете, потряс его, как и всех сторонников проекта «механизации» интеллекта. К тому же Аэровел после длительной и тщательной подготовки воскресил Джон-Эя. Все жаждали встречи с космонавтом из далекого прошлого. Но Аэровел категорически воспротивился этому. Джон-Эй нуждался в длительном отдыхе.

Новый мир угнетал штурмана. Из того, что когда-то было близко ему, на Земле ничего не осталось. Разве лишь дубы и березы, которые, как и встарь, грустно перешептывались о чем-то в заповеднике над Днепром. Разве лишь глаза Искры, которые сияли тревожными огоньками, так же, как и у девушек тех, давних времен.

Искра отдавала человеку из прошлого все свое свободное время. Она старалась делать все, чтобы он не грустил, чтобы он, так много видевший и переживший, не чув-

ствовал себя одиноким в чужой эпохе. В душе ее, кроткой и нежной, вдруг проснулось чувство, в котором она боялась самой себе признаться. Тайком поглядывала на суровое худое лицо, на устремленные вдаль глаза, на крепко сжатые губы — и восхищалась им. Она изучала древний язык, язык Джон-Эя, и обучала его современному, более простому.

Сегодня Аэровел захватил их с собой, и они вместе вылетели на восток, к морю. Космонавт долго и задумчиво смотрел вниз, на голубые ленты каналов, на леса и поля, на буйные плантации невиданных растений, на архитектурные ансамбли. Затем он повернулся к Аэровелу, с восхищением посмотрел на одухотворенное лицо старейшего ученого и сказал:

— Воистину вы возродили меня заново! Нет слов, чтобы выразить, что я сейчас испытываю!

— И не надо, — добродушно ответил Аэровел. — Я вижу твое лицо, чувствую мелодию твоей души. У нас слова нужны лишь в технике и науке. В чувствах — почти никогда! Кстати, у нас нет обращения на «вы»...

— Хорошо. Я постараюсь, хотя это непривычно. Но я все время думаю о своем месте в жизни... о прошедшей экспедиции, и печаль не покидает меня...

— Почему же? — живо спросил Семоний.

— Я вернулся в такое будущее, где человек стал титаном. А наш полет — он был пустым, ненужным! Что я дал вашей эпохе?

Черные глаза Семония сверкнули гневом.

— Ошибка! Нелепость! Все в мире взаимосвязано — об этом мне недавно с упреком напомнили жители Сатурна. Очень верно сказано. На вашем корабле — неопенимые материалы, которые расширяют наши знания. Но, даже если бы их и не было, сам твой прилет из прошлого имеет громадное значение. Ты ведь знаешь о нашей дискуссии?

— Да.

— Так вот, твой прилет положил конец всем нашим спорам. И прекрасно! Я не сожалею об отвергнутом проекте.

— У нас так легко не отказывались от проектов, — улыбнулся Джон-Эй. — Их яростно защищали, иногда вопреки всякой логике.

— Даже негодные? — удивился Аэровел.

— Еще как!

— Странно. Это говорит об узости возможностей. У нас знание так многогранно, что путей к достижению любой цели есть множество.

— Расскажите мне о вашем мире, о вашем знании, о взгляде на мир, на бытие человека. Я очень хочу это знать.

— Ты будешь знать, — мягко ответил Аэровел. — Но сейчас у нас иная цель. Искра — замечательный инженер, она знакомит тебя со всей Системой. Сегодня же я приготовил тебе сюрприз.

— Какой? — удивился Джон-Эй.

— Терпение, — засмеялся старейший ученый, — а то какой же это будет сюрприз!

Вдали засинело море. На берегу, среди пышных растений, возвышались розовые, голубые и белые дворцы. Они казались порождением морской волны, которая, застыв в лучах солнца в неповторимо прекрасных формах, отливала всеми цветами радуги.

Гравилет, повинувшись команде Аэровела, прошел над этими сооружениями, повернул влево. Показалась огромная, свободная от плангаций и строений площадь. Над этим местом гравилет начал снижаться. Джон-Эй побледнел, тревожно оглядывая местность.

— Мне кажется, — прошептал он, — что здесь... где-то... должен быть...

— ...Космоград, — закончил Аэровел.

— Но его не видно...

— Город перенесли еще в двадцать пятом столетии. Сейчас идут раскопки.

Гравилет приземлился. К нему подбежали розовощекий юноша и миниатюрная девушка. Аэровел поздоровался с ними, представил их Джон-Эю:

— Старейший археолог.

— Старейший? — удивился Джон-Эй.

— Да. Ты забываешь о долголетию. Ему уже сто десять лет. Его имя — Тор, девушки — Мечта.

Археологи поклонились гостю, о котором уже были наслышаны. Аэровел сказал им:

— Нам нужно как можно скорее найти древний Институт анабиоза.

— Постараемся, — ответил Тор. — Но не поручусь, что это удастся сделать скоро.

— Тут я могу помочь, — заявил Джон-Эй. — Я здесь жил. Если узнаю хоть что-

нибудь, то нетрудно будет определить место, где был институт. Но все же, зачем это вам?

— Не спрашивай, — невозмутимо ответил Аэровел. — Скоро узнаешь. Итак, приступайте к делу.

Сотрудники Института воскрешений, Аэровел, Джон-Эй, Семоний, Искра и археологи медленно спускались по широкой матово-зеленой лестнице в подземелье древнего Института анабиоза. В электросеть, которая сохранилась, был пущен ток, длинные коридоры освещались.

Вошли в помещение с низким овальным сводом. Вдоль стен были установлены массивные резервуары, прикрытые сверху матовыми куполами. Возле каждого резервуара поблескивали небольшие пульта с радиотехническими приборами.

— Это запись, — сказал Джон-Эй.

Аэровел живо повернулся к нему:

— Ты знаешь, как их включать?

— Да.

— Сделай это, пожалуйста.

Джон-Эй, волнуясь, включил одну за другой все установки. Послышались слова, произнесенные на древнем языке:

— Синегор. Тридцати лет. Воскресить в тридцатом году двадцать пятого столетия.

Вторая запись гласила:

— Анна Сокол. Сорок лет. Воскресить в десятом году двадцать шестого столетия.

И вдруг... все увидели, как человек прошлого побледнел и, пошатнувшись, схватился рукою за сердце. Аэровел поддерживал его сильной рукой. А из динамикаплыли спокойные слова:

— Марианна, двадцати двух лет. Состояние искусственной клинической смерти. Воскресить после возвращения первой внегалактической экспедиции из Большого Магелланова Облака. Время вылета — две тысячи пятьдесят восьмой год. Руководитель экспедиции Георгий Гора. Эксперимент проведен согласно желанию усыпленной.

— Так вот почему вы разыскивали Институт анабиоза! — тихо промолвил Джон-Эй. — Но откуда вы узнали о Марианне, о том, что она здесь? Ведь я тоже не знал этого!

— Марианна твоя возлюбленная? — естественно живо спросила Искра.

Аэровел лукаво улыбнулся. Девушка вспыхнула. Джон-Эй внимательно и дружески посмотрел на нее:

— Нет. Это невеста Георгия.

— Я узнал об этом, — прервал Аэровел, — из материалов Всемирного Архивного Фонда. Их нашел молодой сотрудник фонда, Светозар.

— Что вы собираетесь с нею сделать?

— Конечно, воскресить... Не удивляйся. Ты только вступаешь в новый мир. Скоро состоится заседание Совета Миров. Там ты услышишь много интересного...

По знаку старейшего учёного резервуар вскрыли. В глубине за прозрачным покрытием лежала молодая женщина поразительной красоты. Длинные ресницы, оттенявшие ее бледные щеки, толстые черные косы, уложенные венцом вокруг головы, смугло-розовое тело, руки, покоившиеся на груди, — все создавало впечатление, будто она погружена в глубокий сон.

— Это она, — прошептал Джон-Эй и, к удивлению присутствующих, заплакал. Но это были слезы радости и счастья.

Марианна через десять тысяч лет возвращалась к жизни в новый, чудесный мир...

Грядущий мир

Искра привела Джон-Эя в небольшую комнату. Стены ее матово поблескивали. Посредине стоял стол, два стула. На столе цветы. И больше ничего. Космонавт обратился к девушке:

— Скажи мне, Искра, ты говорила о связи между мирами, о том, что она осуществляется мгновенно. Но можно ли с ее помощью связаться с иными галактиками?

— Да.

— И такие попытки были?

— Я понимаю, почему ты спрашиваешь. Мы пробовали наладить связь с Большим Магеллановым Облаком. Но нас всегда постигала неудача. Ученые не понимали, в чем дело. Теперь же, когда ты вернулся оттуда, все стало ясно. Но этим занимается совет. Можешь быть спокоен — решение будет таким, какого ты желаешь...

Джон-Эй пристально посмотрел на девушку:

— Ты знаешь о моем желании?

— Да, — смутилась Искра. — Ты забываешь о том, что люди развивали не только знание, но и себя, свое восприятие. Ближнему другу, у которого душа открыта для тебя, незачем много говорить. Его чувства — это чувства друга...

Девушка почему-то смутилась, подошла к стене, что-то включила. Быстро, украдкой посмотрела на своего спутника, нахмурилась. Свет погас. Послышался голос Искры:

— А теперь — путешествие по Системе.

Стены растаяли, отодвинулись. Засияли звезды в пространстве, вспыхнул огромный диск Солнца. Приблизилась какая-то планета. На ней видны были раскаленные пустыни, глубокие трещины, вихри разреженных газов...

— Меркурий? — спросил Джон-Эй.

— Да, — ответила девушка.

Вслед за этим объектив как бы проник в недра планеты. И здесь на большой глубине Джон-Эй увидел колоссальные станции, обсерватории наблюдения за деятельностью Солнца, пульта управления вакуумными конденсаторами энергии. Всем этим управляли роботы — незаменимые помощники человека.

— На Меркурии в основном одни лишь научно-технические центры и хранилища энергии, — сказала Искра. — Идем дальше.

Снова появилась бездна пространства. Среди звезд возник шар туманной планеты. Он приблизился, заполнил экран.

— Венера, — торжественно заявила девушка. — Здесь когда-то работала и я.

Открылась перспектива планеты. В хмурю даль катились тяжелые фиолетовые волны океана. На побережье раскинулись плантации высоких деревьев красной и белесой окраски. В густой листве адели крупные плоды. За деревьями, в горах виднелись белые купола каких-то строений.

— Селекционный институт Венеры, — объяснила Искра. — Ты видишь плоды? Это поразительное достижение. Они концентрируют в себе все, что необходимо организму человека. Скоро люди получат их. Тебя удивляет, что здесь так спокойно? Да, в ваше время эта планета была сущим адом. Вулканы, ядовитая атмосфера, высокая температура. Мы многое сделали. Нейтрализовали вулканы, очистили атмосферу, создали нужные нам растения. И теперь Венера — сестра Земли.

Не успевал Джон-Эй осмыслить то, что увидел, как на экранах появлялись иные пункты Системы.

Он побывал на сотнях спутников-станций, вращающихся вокруг Солнца, на астероидах, где были расположены обсервато-

рии, биостанции, выращивающие растения и животных в условиях невесомости, в космопортах и хранилищах энергии, на Плуtone, где астробиологи работали над выведением таких животных форм, которые могли бы существовать в межзвездном пространстве. Как объяснила Искра, в этой области имеются крупные достижения.

Так было долго, очень долго. Джон-Эй увидел, что происходит в Системе и вне ее, и понял, что теперь человечество — единый, совершенный, удивительно гармоничный организм, стремящийся к новым, все более высоким целям. И светлая радость овладела им. Теперь он твердо знал, что не напрасно жил, не напрасно боролся, изнемогая в безднах Космоса. И сердце предвещало новые, волнующие перспективы...

Снова вспыхнул свет. Искра устало провела ладонью по глазам.

— А теперь пойдём. Я покажу тебе древнюю Луну.

Они вышли в ночь. Теплый ветер налетел, дохнул в лицо. Невысоко над горизонтом сияла туманная Луна. Джон-Эй остановился очарованный, посмотрел в небо. На диске земного спутника он не заметил привычных пятен, зато ясно можно было различить голубоватый ореол.

— Что это, Искра?

— Терпение, — таинственно ответила девушка. — Иди за мной.

Они пришли на космодром. Там их ждали. Искра ввела гостя в освещенный круг, где стоял большой, совершенно черный цилиндр. В нем открылся люк. Джон-Эй зашел туда вслед за Искрой, сел в удобное кресло.

На экране появился диск Луны. Искра указала на него:

— Сейчас мы будем там.

— Как! В этой штуке? Так это и есть...

— Да. Это аппарат для преодоления пространства. Специальные установки фокусируют направление, очень точно, и излучают мощные потоки энергии, создавая канал антипространства. Две эти формы протяженности взаимно аннигилируются, иначе говоря — расстояние исчезает.

Внимание! Пора!

Всколыхнулось небо, и в какое-то неуловимое мгновение диск Луны вырос до огромных размеров, исчез. За иллюминаторами Джон-Эй увидел темно-синее небо, по

которому плыли белые облака, и ветви зеленых пальм, раскачиваемых ветром.

— Где мы? — прошептал он.

— Как — где? — рассмеялась девушка. — На Луне. Вставай, мы приехали...

Космонавт безмолвно вышел из цилиндра, который стоял на широкой площадке, окаймленной гигантскими деревьями, за ними высоко в небо уходили вышки антенн, верхушки сооружений. В зените сияло Солнце, немного ниже — туманный серп Земли.

— Чудо! — не мог прийти в себя Джон-Эй. — Вы оживили Луну?

— Да. Уже давно. Сейчас Луна — курорт, место отдыха. Небольшое тяготение, абсолютно чистый воздух — великолепные условия для спорта. То же самое можно наблюдать на Марсе, на некоторых спутниках внешних планет. Только Сатурн и Юпитер вне наших работ...

— Почему же?

— Там живет иная раса. Мы открыли ее три тысячи лет назад. Но те существа — нечто невообразимое. Это совсем другой путь развития, непонятный для нас. Мы общаемся с помощью выработанных символов, но не практически, а лишь в сфере высших математических абстракций. Но об этом ты узнаешь в свое время. Нам пора возвращаться...

Джон-Эй нежно взял девушку за руки, восхищенно посмотрел ей в глаза. В его душе таяло, исчезало чувство одиночества. Искра видела это и торжествовала.

— Девушка... это великолепно! Это... Это... Я даже не знаю, что сказать... Ради такого мира стоило страдать и отдавать жизнь...

Искра поняла, что человек прошлого воскреснет духовно, побеждает печаль прошлых потерь и готовится к великому бессмертному шествию по дорогам Вселенной. И еще Искра с волнением и радостью осознавала, что на этом пути рядом с ним непременно будет она, его незаменимый друг, товарищ, жена.

Великое свершение

Еще не открывая глаз, она медленно поднялась с твердого ложа, села.

— Георгий, — тихо позвала она.

Присутствующие молча переглянулись, пораженные тем, что имя любимого было

первым словом, которое слетело с ее губ после целой вечности безмолвия.

А она, не услышав ответа, нахмурилась, медленно открыла глаза и тут же их зажмурила.

— Марианна, — прошептал Джон-Эй.

Она вздрогнула, недоумевающе оглянулась, тревожно посмотрела на группу странно одетых людей. Наконец увидела Джон-Эя. Глаза ее вспыхнули черными огнями, на бледных щеках заиграл румянец.

— Джон-Эй! — жалобно промолвила она. — Это ты... Значит, экспедиция вернулась?

— Да, — уклончиво ответил Джон-Эй. — Звездолет вернулся.

— А Георгий где? Почему я не вижу его?

— Погоди, Марианна... Не волнуйся... Девушка встала. Ей подали легкий плащ из голубого материала. Она накинула его на плечи, испуганно глядя на людей новой эпохи.

— Сколько я... спала?

— Десять тысяч лет, — мягко ответил Аэровел.

— Так много? — едва слышно прошептала Марианна. — Только сейчас вернулась экспедиция? Ведь вы меня воскресили согласно заветанию?..

— Да...

— Почему же не видно Георгия? Джон-Эй, почему ты молчишь? Посмотри мне в глаза... Он умер?

Искра, нежно обняв Марианну, ласково сказала:

— Успокойся, сестра. Ты будешь в мире такой долговечной жизни, где люди не страшатся смерти.

— Значит, его нет? — в отчаянии воскликнула Марианна. — Для чего же вы меня воскресили?

— Он не умер! — серьезно возразил Джон-Эй. — Он жив, но очень далеко отсюда. Вернулся я один, вернее мой труп. Меня воскресили. Вот и тебя нашли в подzemелье древнего Института анабиоза благодаря старым записям... Прощу тебя, Марианна... успокойся... Ты все поймешь...

— А через месяц, — ласково улыбнулся Аэровел, — решится и судьба твоего Георгия...

Над мирами Великого Союза торжественно звучали слова Аэровела, обращен-

ные к ученым, собравшимся во Дворце Совета:

— Наступило время новых свершений. До сих пор мы накапливали силы и возможности, а теперь открываем для разумного мира новые пути, еще более грандиозные и прекрасные, чем прежде. Мы устремимся в иные галактики, объединимся с ними, откроем новую эру — эру долголетия. Первый шаг на этом пути — проникновение в Галактику Большого Магеллана Облака. Мы поможем людям этой системы возродить цивилизацию и присоединиться к нам. Наша эра — эра полного подчинения Космоса, эра торжества человека над бесконечностью! Мы готовы к экспедиции! Энергии Системы хватит, чтобы ее осуществить! Что скажет совет? Что скажут люди всех планет нашей Системы?

В горячую дискуссию включились миры Сириуса, Центавра, Кома, Сатурна. Они бурно обсуждали проект Аэровела, тщательно разбирая все его достоинства, взвешивая возможные опасности. Наконец, выступил Семоний и громкогласно заявил:

— Проект открывает перед нами бесконечные перспективы! Кто может это отрицать? Мы идем к всемогуществу — откроем же дверь в этот мир для жителей других галактик! А прежде всего для тех, кто борется против ужасной опасности — мира машинного разума!..

Дворец Совета загремел от оваций. Марианна склонилась к Аэровелу, сидевшему рядом с ней, и прошептала:

— Как все это удивительно! Я не могу прийти в себя. Ваше поколение — это поколение титанов!

Аэровел серьезно посмотрел на нее, покачал головой:

— Мы обязаны всем, чего достигли, далеким и безымянным труженикам прошлых веков, их творчеству, их труду.

Под сиянием голубой звезды

.. Четыре гигантских звездолета были выведены на высокое горное плато Антарктиды, давно уже освобожденной от льдов. По краям материка ученые соорудили огромное кольцо энергетических установок, предназначенных для ликвидации или нейтрализации пространства в узкой полосе между системой Солнца и планетой, где царил железный диктатор. Точнейшие

квантовые машины высчитали расстояние, звездные перемещения, координаты голубой звезды в соседней Галактике.

Две тысячи человек заняли свои места в звездолетах. Космические колоссы — по два километра в диаметре, — сотрясая страшным грохотом материк, пробили атмосферу и вышли в пространство.

И тогда по сигналу координационного центра было включено энергетическое поле. К установкам хлынула энергия, сконденсированная в хранилищах Плутона, Титана, астероидов, Меркурия.

Всеми этими работами руководил Семоний. Он следил за звездолетами с помощью универсальной телескопической установки. Когда в конденсаторах накопилась энергия-максимум, достаточная для осуществления плана, Семоний дал задание роботам: включить нейтральное пространство.

Казалось, вся Вселенная всколыхнулась. На мгновение все звездное небо превратилось в сплошное сверкающее пламя, а затем перед глазами Семония выросла голубая звезда и на ее фоне — четыре земных звездолета. Эксперимент удался. Узкая полоса пространства между двумя галактиками была нейтрализована, пробита. Роботы молниеносно отключили источники энергии от установок. Вздогнула земля. Когда Семоний, освободившись от страшного напряжения, осмотрелся вокруг, он за прозрачной броней увидел лишь знакомые очертания гор Антарктиды...

А звездолеты, окружив себя защитным полем, приближались к страшной планете. Флагманом звездолетов управляли Аэровел и Джон-Эй.

Посланцы Земли волновались. Наступал ответственный момент. Живой разум вступал в единоборство с адской силой жестоких машин. Аэровел выключил на одно мгновение защитное поле, чтобы проверить программу полета. На экранах обзора возник диск голубой звезды, туманный шар внешней планеты.

— Она! — воскликнул Джон-Эй.

Планета приближалась, увеличивалась. Редкие тучи разошлись, показалась поверхность чужого мира.

Аэровел всматривался в изображение. Перед ним проплывали населенные пункты планеты. Вот сверкнула лента реки, озеро, залив моря, большой город, квадраты полей, толпы на площадях. Да ведь это лю-

ди, мыслящие существа! Значит, власть железного диктатора сломлена и люди вышли из своих подземелий.

— Братья! — радостно заговорил старейший ученый, обращаясь к людям в звездолетах. — Приборы показывают, что на планете процветает разумная жизнь. Вероятно, людям Системы удалось победить чудовище механического разума. Предосторожность теперь излишня. Ведите корабли на посадку.

Радости землян не было конца. Звездолеты приблизились к планете и, пройдя облачный слой, стали снижаться. Окруженные горячими вихрями воздуха, они осторожно опустились среди пустынных равнин, вдалеке от жилых центров...

Вскоре на горизонте поднялись тучи пыли. По пустыне передвигались какие-то машины. Их было несколько сот. Колонна этих машин — приземистых гусеничных аппаратов — остановилась на расстоянии полукилометра от звездолетов. Из них выскакивали люди, которые что-то кричали и радостно махали руками.

Аэровел, Джон-Эй, Искра и Марианна на гравилете вылетели навстречу хозяевам планеты. Их сопровождали десятки других летательных аппаратов с учеными. Когда они приземлились, от колонны машин отделился огненноволосый великан и направился к ним.

Джон-Эй схватил Аэровела за руку.

— Клянусь, он похож на Ио, — воскликнул штурман. — Помнишь, я рассказывал о старом ученом!..

Великан остановился и с удивлением посмотрел на Джон-Эя.

— Я узнаю тебя, — сказал он на языке Земли. — Ты Джон-Эй, один из тех героев, которые когда-то, давным-давно, посетили нашу планету! Но почему ты жив — ведь это было много тысяч лет назад!

— Меня воскресили! И вот мы здесь, чтобы помочь вам! Но мы с радостью убедились, что в этом нет уже нужды.

— Да! — гордо ответил великан. — Мы победили железного диктатора. Живой разум оказался сильнее. Это было сделано еще при жизни Ио. Я его потомок. Вас мы помним, изучаем ваш язык. Мы всегда ждали вашего возвращения...

— А где же диктатор? — нетерпеливо воскликнул Джон-Эй.

— Там, где и раньше. Там же и второй человек вашей расы...

— Георгий? — не сдержалась Марианна, у которой тревожно забилося сердце.

— Да, Георгий. А с ним женщина, конструктор диктатора. Мы не могли вернуть их к сознанию.

— Ведите нас, — решительно сказал Аэровел.

Гравилеты опустились на матовый пол ангара, где все еще торчала громада бездействующего диктатора и стояли тысячи неподвижных полусфер. Земляне увидели полупрозрачный горб бывшего страшилища с антенной наверху. Когда-то грозная машина теперь была мертва. Джон-Эй оглянулся и увидел зеленоватый купол, под которым, как и тогда, на черном пьедестале стояли две фигуры — огненноволосая красавица Сиой и Георгий.

Перехватив взгляд Джон-Эя и увидев любимого, Марианна, рыдая, стремительно бросилась к куполу, но у подножия ведущей к нему волнистой лестницы упала и потеряла сознание. Подоспевший Аэровел привел ее в чувство.

— Успокойся, девушка. Еще немного... совсем немного терпения.

Упало белоснежное покрытие. Люди взволнованно замерли. И вот... свершилось!

Сначала шевельнулся Георгий, застоялся. Затем открыла глаза Сиой. Они возвратились к жизни, вырванные всемогущей рукой человека из объятий вечного сна.

Георгий медленно подымался, нащупывая руками опору. Медленно открыл глаза. Туманным взглядом скользнул по людям... и вдруг увидел... Марианну.

Неясные воспоминания тенями пролетели в сознании, становились яснее, четче, наполнялись содержанием.

— Марианна... какой чудесный сон! — прошептал он.

Марианна не выдержала. Она не видела, как Аэровел помогает Сиой подняться с ложа, как на широком плато народы планеты приветствуют братьев из далекого мира. Плача от счастья, она целовала изможденное лицо своего возлюбленного...

Она вспомнила его восторженные слова, прознесенные тысячелетия назад, о грядущем единении всей бесконечности. Еще тогда, на берегу древнего Днепра, Георгий мечтал о величественных путях людей-титанов. И вот эти мечты далекого прошлого осуществлялись.